

18+

Татьяна Латукова

ПРИВИДЕНИЕ НА ПРОСЕКЕ

Татьяна Латукова

Привидение на просеке. Ведьма 0.5

«Издательские решения»

Латукова Т.

Привидение на просеке. Ведьма 0.5 / Т. Латукова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966385-6

В сонное Лукогорье приезжает юная сиделка, и деревню захлёстывает череда происшествий. Связана ли страшная находка в овраге с пропажами деревенских девушек? Смогут ли приезжие эксперты разгадать тайны давно исчезнувшей княжны? Древние легенды оживают, новые злодеяния будоражат умы, ниточки причинно-следственных связей переплетаются и запутываются. А там, где заканчиваются одни истории, начинаются другие.

ISBN 978-5-44-966385-6

© Латукова Т.
© Издательские решения

Содержание

Летний вечер	6
Часть 1	9
1. Дорога в Лукогорье	9
2. Друзья капитана	12
3. Братишка	13
4. Как усадьба стала пустошью	15
5. Ведьма в мастерской	19
6. Жизнь в сундуке	22
7. Исчезновение	25
8. Чёрный овраг	27
9. Сплетницы	32
10. Ведьма в церкви	34
11. Шутки-прибаутки	38
12. Белое озеро	40
Часть 2	42
13. Нашествие	42
14. Заезжий кавалер	44
15. Особые обстоятельства	46
16. Ловцы тумана	48
17. Нервный скрипач	52
18. Терем	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Привидение на просеке

Ведьма 0.5

Татьяна Латукова

Леонард Крылов *Иллюстратор*

© Татьяна Латукова, 2019

© Леонард Крылов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6385-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летний вечер

Что ищут люди в одиночестве? Тишину и забвение? Уныние и бесстрастность? Или вот это тонкое чувство кристальной ясности мира? Всё знать, понимать, предвидеть и вместе с тем остро воспринимать свою ничтожность – это и есть то откровение, за которым уходят в пустыни отшельники?

Жаркий день не обещал Петру Ивановичу ничего особенного. Выйдя из душного магазина, он медленно побрел в сторону станции метро, раздражаясь отсутствием автомобиля, неделю назад сданного в ремонт. В машине, создающей иллюзию уединения, было проще стряхнуть с себя наваждение сделок, переговоров, общения с тупыми покупателями и еще более тупыми продавцами.

Карьера Петра Ивановича дошла до некоторого максимума, прыгать выше было некуда. Можно было бы начать свое дело, но для этого нужно было залезать в долги, искать инвесторов, закапываться в бумаги и взваливать на себя ярмо ответственности. Зачем? Чтобы потом с утра до вечера понукать ленивое быдло, которому недосуг инструкцию к чайнику или утюгу прочитать? И без того жизнь вполне себе удалась.

Тёплый вечер принес откуда-то тонкий аромат полевого раздолья, и нечто болезненное шевельнулось в душе Петра Ивановича. Воспоминание. О других вечерах. О летних вечерах, полных запахов леса, цветов, и невероятной свободы. Тогда время казалось бесконечным, а жизнь – прекрасной и счастливой...

Острая вонь автомобильного выхлопа, ударившая в ноздри, расставила всё по своим местам. Город не хотел отпускать своего раба ни на мгновение. Выдохнув, Пётр Иванович влился в людской ручеек, стремящийся прорваться к большому потоку спешащих в подземку горожан. Но где-то в космосе на сегодня была запланирована одна особая встреча.

– Петька!! Петюныч! Петюха!

Пётр Иванович оглянулся и оказался в крепких объятиях высокого загорелого мужчины. Изумленно взглядевшись в широкие скулы и заросший недельной щетиной волевой подбородок, Петька с трудом признал в незнакомце давно позабытого друга детства.

– Сашок... – Пробормотал он, скорее констатируя себе, что не ошибся, чем обращаясь к старому знакомому.

– Ну ты и откормился, брат, еле признал тебя. Пойдем, посидим где, тяпнем по соточке, поговорим.

– У меня работа...

– Да не волк твоя работа, в лес не убежит. Такая встреча! Не гневить же судьбу?

– Ну, пойдем...

Нелепые откровения, братания навек, слезливая ностальгия по поводу безвозвратно ушедшего времени – мегагород привычно перемалывал миллионы судеб. Почти пустой ночной клуб радушно принимал всех, создавая иллюзию душевного комфорта, в котором так тянет на признания и высокие слова.

Сашок болтал без умолку, бестолково перескакивая с темы на тему и торопясь похвастаться своими успехами. У него был свой магазинчик стройматериалов где-то за кольцом, на большой трассе. Торговля кирпичами и досками позволила ему отстроить дом неподалеку от самого магазинчика. Не так давно Сашок женился на одной из местных красавиц, и вскоре должен был стать отцом, и вроде бы мальчика.

Пётр Иванович вяло, но веско козырял фамилиями знаменитостей, которые лично у него покупали кофе-машины и холодильники для баров. Квартирный вопрос Пётр решил благо-

даря матери, вовремя подсуетившейся и уболтавшей свекровь на то, чтобы её квартирка досталась внуку. В личной жизни у Петра Ивановича всё было шатко, девушки охотно заводили с ним знакомство, но быстро исчезали, каждый раз с новыми и глупыми претензиями. Но он, конечно, озвучил приятелю версию о том, что никак не может определиться с тем, какую из трёх влюбленных в него королев красоты выбрать в жёны.

Всё это было обычной пустой болтовней, и по мере накачивания алкоголем обоим мужчинам становилось всё тяжелее и ленивее дополнять житейские факты флёротом успеха и процветания. Разговор замедлился и перескочил на общих знакомых. Точнее, на тех, чьи имена были смутно знакомы Петру Ивановичу, но не заговори о них Сашок, он бы, пожалуй, и не вспомнил, откуда их знает.

Динка играет на сцене столичного театра. Толян строчит статьи в научные журналы. Ярослав уехала конструировать светящихся зверьков за океан. Борька не получил нового звания, зато сделал серию фотографий жучков-паучков и отхватил приз известного журнала...

Петька кивал и поддакивал другу детства, вдруг ощутив холодную тяжесть имени, которое неизбежно должен был произнести Сашок. Имя ускользало, и в то же время вспыхивало в сознании яркими неоновыми буквами. Петька давно излечился от власти этих букв, и всё же не мог оставаться к ним равнодушным.

После паузы Сашок с надрывом в голосе выдал:

– А помнишь Рину?

Водоворот мыслей и воспоминаний засосал Петра Ивановича в полузабытое прошлое. И выкинул в терпкие, сладкие, кружащие голову вечера. Перед глазами поплыли яркие и бесвязные картинки лета...

Лета под знаком ведьмы.

Часть 1

1. Дорога в Лукогорье

Пишу тебе бесконечное письмо в никуда. Мне хочется с тобой поспорить. Хочется тебя увидеть. И хочется, чтобы ты когда-нибудь узнал об этом. Я не горячка, Север. Совсем нет.

Петька увидел Рину самым первым. Ещё на остановке автовокзала. Стройная девчонка в простом платице с небольшой джинсовой сумкой через плечо стояла возле лавочки и читала какой-то толстый фолиант. Книга была очевидно тяжёлой и неудобной, но девчонка не обращала на это внимания, лишь время от времени меняя руку, которой держала книгу.

Петька забыл о девчонке через полсекунды, как забываются все такие нечаянные встречи. Но в автобусе девчонка села рядом с Петькой. Оказалось, что она тоже едет в Лукогорье. Сама девчонка Петьку не заметила вовсе. Деловито затолкав сумку на полку, она плюхнулась в кресло и снова углубилась в чтение. Заглянув в текст книги, Петька решил, что девчонка – зануда и ботаничка. Мелкий текст и какие-то формулы наверняка относились к точным наукам.

Старый автобус тащился по пыльной загородной трассе, и Петька, равнодушно глядя в окно, начал прикидывать, чем же ему, такому взрослому и серьёзному пацану, заняться в глухой деревенской дыре.

Некогда Лукова Гора была процветающим поместьем, по слухам приносившим князю Дмитрию Петровичу Лукогорскому несметные барыши, на которые тот закатывал дорожные вечеринки с фейерверками в столицах. Князь был доверенным лицом императора Александра Первого, исполнял какие-то секретные миссии в Европе, изрядно отличился в войне с Наполеоном. Но восстание декабристов загнало Лукогорского в эмиграцию. Сам князь не участвовал в восстании, и, в общем, даже не разделял идей заговорщиков, но ухитрился резко выразиться по поводу казни декабристов и попал в немилость нового императора Николая.

Проведя в Европе почти два десятилетия, Дмитрий Петрович скоропостижно скончался во Франции, оставив после себя изрядный бардак в делах. Тяжба за земли, поместья и особняки Лукогорского продлилась ещё пару десятков лет, и за это время поместье совсем обеднело. Отмена крепостного права лишила Лукогорье людей, массово рванувших в златоглавую столицу, к денежным карьерам дворников и горничных. А новый большой тракт, проложенный в самом начале двадцатого века в обход возвышенности, собственно и именуемой горой Луковой, оставил село и без скудных доходов от постоянных дворов и разной мелкой придорожной торговли.

В начале двадцать первого века Лукогорье жило в несколько десятков дворов, хозяйничали в которых старики и старухи, не желающие сниматься с обжитых мест. В деревне оставалось несколько фермерских семей, которым не было резона уезжать от земли-кормилицы, и некоторое количество людей, по привычке тянувших лямку деревенского бытия. На лето население села вырастало раза в три-четыре за счет приезжающих родственников, но в целом это не меняло картину обреченности Луковой Горы.

Некоторые надежды затеплились у сельчан с началом мощной застройки на лугу под горой, на землях разорившегося и выкупленного неизвестными столичными дельцами колхоза. Выросшие кирпичные монстры казались признаком новой жизни села. Но, увы, из двух десятков особняков до жилого состояния было доведено только пять, да и в тех обособленно жили нелюдимые и сплошь нерусские сторожа. А изредка наезжающие хозяева кирпичных монстров

быстро составили о себе дурную славу – полным наплевательством на лукогорцев и их проблемы.

Петька ехал к родной тётке Оле. По настоянию родителей Ольга получила диплом экономиста, после чего вернулась в родную деревню и вышла замуж за первого парня на деревне – гармониста и забияку Семёна Сорокина. Родив ему трех сынишек подряд, Ольга зажила абсолютно счастливо и бесппроблемно. Потребности «культурных жителей столицы» вроде походов в театры и посещений музеев она воспринимала с иронией, а материальные ценности рассматривала с точки зрения их целесообразности. Дом Ольга с Семёном срубили новый – большой и удобный, с достаточным комфортом. Детишки росли, росли, да незаметно и выросли – один другого здоровее и краше. Родная земля кормила вдоволь – так чего ещё желать?

Петькина мама Серафима относилась к сестре снисходительно, с высоты «образованного интеллигентного человека», но считала очень удобным то обстоятельство, что можно в любой момент спихнуть единственного отпрыска деревенской родне. Ольга относилась к ежегодным прибытиям Петьки примерно так же, как к таянию снега весной. Каждое его появление Ольга сопровождала ахами и вздохами, что «вот и Петюшенька приехал, надо бы банки перебрать, скоро пригодятся». Приезд племянника был своего рода приметой времени года.

Обычно Петька носился по полям и лесам вокруг Луковой горы, предоставленный исключительно самому себе. Пока он был маленьким, все деревенские развлечения вызывали у него искренний восторг, но теперь Петька полагал, что вырос из детских затей. Он смутно мечтал о подвигах, о путешествиях в неизведанные края и фантастические миры, и ему хотелось видеть рядом достойную команду сильных и крепких ребят. Мысль о том, что ему снова придется быть капитаном для Сашки и Толяна, не настраивала на подвиги. Скорее служила напоминанием: не забыть бы купить носовых платочков для этих хлюпиков.

Девчонка, пытаясь перевернуть страницу в фолианте, неловко повернула книгу и толкнула Петькину руку острым кончиком твёрдого переплета.

– Ой, извините, пожалуйста, я нечаянно. – В голосе было искреннее сожаление и раскаяние. – Простите, я совсем не хотела вам мешать.

Петька поморщился и, буркнув «ерунда», убрал руку с подлокотника. Девчонка закрыла книгу, неловко пристроила её на колени и уставилась в окно.

Ветерок из люка в потолке мягко теребил русые волосы девчонки, и прядки то открывали бледную шею девчонки, то прятали её. Петьку почему-то взволновало это нехитрое зрелище. Он искоса посмотрел на соседку внимательнее. Она заметила его взгляд и улыбнулась ему. Светло, широко и доверчиво.

Петька смутился, но девчонка не отвернулась и не начала кривляться, как это делали задаваки в школе, а просто протянула ему руку:

– Меня зовут Рина. Полностью Марина, но я к сокращённому варианту больше привыкла.

Немного оторопев, Петька несмело коснулся девчачьей ладошки. Разве девчонки знакомятся в автобусе? С первым встречным?

Рина снова улыбнулась, и Петька торопливо ответил:

– Пётр. Пётр Рясков.

– Очень приятно.

Серые глаза девчонки вспыхнули искорками радости, и мир вдруг показался Петьке светлым и прекрасным.

Автобус затормозил и высадил Петьку и Рину на шоссе у поворота. До Лукогорья оставалось пройти ещё семь километров.

Петька дороги не заметил. Узнав, что Рина не бывала в Лукогорье, он начал рассказывать ей о деревне. Девчонка слушала его с таким интересом, что он постепенно увлёкся до того, что начал выбалтывать абсолютно все деревенские слухи и сплетни. Но Рина не останавливала его, даже когда Петьку явно занесло с пересказом сказок старой Глаши, или когда он начал

разглагольствовать о слухах насчет матери Женьки. Рина впитывала все эти истории, тщетно пытаясь запомнить, кто на ком когда женился, и кто у кого (и от кого) когда родился.

Лукогорье, как и многие другие деревни, состояло из одной центральной улицы с несколькими боковыми ответвлениями. Когда Петька прошёл почти половину деревни, он сообразил задать Рине простой вопрос:

– А ты к кому приехала? Тебе в какой дом?

– Мне к Петру Борисовичу Кашкину. Дом номер восемь где-то в новом районе. Надо с горы спуститься и в третьи ворота позвонить.

Петька и удивился, и немного испугался. Симпатичная девчонка собиралась отправиться на съедение к ужасному Кащею. Может, её обманула какая-нибудь злая колдунья? Или она приходится внучкой противному старикашке? Петька представил себе, как Рина обнимает костлявого ворчуна, и ему стало неприятно от этой мысли. Но он всё же предложил:

– Я вон в том большом доме на углу буду жить. У Сорокиных. Сегодня меня откармливать будут, а завтра я абсолютно свободен. Заходи. Махнём к Чёрному оврагу. Или на Белое озеро сбегает.

В светло-серых глазах промелькнула грусть:

– Спасибо, Петька. Но я на работу приехала. Мне некогда по оврагам бегать будет.

Рина уже скрылась на большой деревянной лестнице, ведущей с крутого угора вниз, к кирпичным особнякам за высокими заборами. А Петька всё ещё смотрел ей вслед. Слово «работа» казалось ему враждебным и непонятным. Какая такая работа?

2. Дружья капитана

Грустно возвращаться туда, откуда вроде бы безвозвратно унесло тебя время. Было спокойно. Пусто. Мир был полон нежных звуков. И лишь шарканье Яроша напоминало мне о людях. Но вот старый дом ожил, в нём заструился горячий воздух, в его щели проникли звуки речи, в его кухне воскресли горелые запахи. Надо бы всплакнуть от умиления.

А я не умею плакать.

Интересно, где я припрятала сокровище? Все мои сокровища – берёзовые веники в кладовке.

Тётка всплеснула руками, заохала, захлопотала, и первый день приезда Петьки в деревню оказался ровно таким же, как и все предыдущие дни встречи с родственниками. Но следующим же утром Петька продолжил традиции деревенского отдыха и отправился к друзьям по летним каникулам.

Компании мальчишек и девчонок Лукогорья составлялись каждое лето из приезжей ребятни. Парни постарше делились на «мушкетеров» и «пиратов», но Петьку в их сражения не брали. Ребятни года на два-три младше тоже было в избытке, но возиться с ними уже самому Петьке было неинтересно. В команде Петьки по стечению вероятностей неизменно оказывалось лишь двое сверстников.

Долговязого и нескладного Сашу Лучинкина Петька мысленно называл «буратино», а неуклюжему тугодуму Толян Отапину как нельзя лучше подходило определение «страшила». Слабая надежда, что друзья подтянулись и изменились за девять месяцев разлуки, растаяли за пару секунд. Оглядев друзей, Петька только вздохнул. Как с такими недотёпами покорять океаны и космические дали?

Новости друзей и вовсе повергли Петьку в уныние. Толян собирался летний отдых посвятить... физике. Сашок свысока сообщил, что его мать-художница собирается выйти замуж за какого-то иностранца. И теперь хочешь, не хочешь, а придётся ему выучить тьму неправильных глаголов. Блаженное летнее безделье, представлявшееся Петьке одним сплошным цветным праздником, грозило обернуться разговорами о формулах и зубрёжке.

Капитану пришлось включить всё своё красноречие, чтобы получить согласие команды на участие в первом приключении. Плотина в узком месте Синего ручья должна была повернуть водный поток в разлом Чёрного оврага. Идея не блистала свежестью, поскольку периодически обсуждалась разными детскими компаниями. Но какая разница, кто первым сказал, куда важнее, кто первым сделал.

Три пацана могут быть мощной силой изменений в мире, и взрослым хорошо бы приглядывать за тем, что именно строят юные капитаны в соседнем лесочке. Но Лукогорье находилось слишком далеко от тех центров цивилизации, которые насмотрелись на последствия таких строек. И никто не обратил на возню ребяташек никакого внимания.

3. Братишка

Сегодня на повестке дня:

1. Справедливость. 2. Всё поделить.

3. Стихи о светлом восхождении в иной мир ради счастья отечества... Бедное наше отечество, и все-то к нему со своим счастьем. А уж что в небесах творится... Очередь огромная у ворот стоит.

За строительными работами Петька подзабыл о новой знакомой. Но обрадовался, когда очередным утром увидел Рину, спешащую в магазин. Девчонка шла легко и быстро, словно чуть пританцовывая. В руке у неё была пустая хозяйственная сумка, оттянутая кошельком. Петька двинулся навстречу с тем расчетом, чтобы случайно столкнуться с Риной у входа в магазин. Однако оказалось, что её заметил не только Петька.

С покосившейся лавочки, испокон веков стоящей под забором старой Ильинишны, поднялся небритый мужик в помятом пиджаке, надетом прямо на грязную майку. Перегородив дорогу девчонке и чуть покачиваясь, алкаш стянул с головы заношенную кепку, и, заплетаясь в собственной речи, изрек:

– А хто-е-ето у-ун-а-ас здесь-а та-а-кая цаца?

Петька не узнал пьянчугу. Он знал всех жителей и гостей Лукогорья, но не имел ни малейшего представления, кто этот тип, приставший к Рине. Это и озадачивало, и пугало.

Мужик сделал шаг к девушке, и в этом движении чувствовалась агрессия. Ситуация стремительно становилась опасной.

– Я не цаца. Я ведьма. – Спокойно и с доброжелательной улыбкой сказала Рина.

– А па-азволь-ти адин ма-алю-сень-кий па-це-луй.

– Позволю, когда ты будешь трезвым.

Петьку словно приморозило к месту. Неужели девчонка не понимает, что ей надо бежать? Зачем она так равнодушно отвечает этому пьяному крестину?

– Ишь ты, гадёныш. Опять при скандале.

Раздавшемуся сзади причитание старухи Шершовой Петьку обрадовало. Вот сейчас самая ехидная и неукротимая бабка Лукогорья поставит распоясавшегося гуляку на место. Но Шершова только оперлась на клюку, заняв место для наблюдения.

– А кто это? – Решился спросить у старухи Петька.

Не повернув головы, Шершова с нажимом выложила:

– Убийца это. Гришаня Маслов. Зимой с зоны вернулся.

Петька в недоумении уставился на мужика. Убийца? Настоящий?

– Ах, ты, хос-пи-и-ди-и, ка-а-кая ва-а-жная, – протянул Гришаня.

Рина невозмутимо попросила:

– Дай пройти. Мне в магазин надо.

Девчонка явно не читала детективов. Кто же так с убийцами разговаривает?

Гришаня, вопреки всем опасениям Петьки, послушно посторонился, освобождая Рине дорогу к магазину. Но едва она прошла мимо, как он выдал несколько отвратительных нецензурных ругательств.

Сделав пару шагов, Рина обернулась и ответила ему тем же. Мелодичный голосок уверенно выговорил все этажи и переплёты мата, шокируя откровенностью и витиеватостью оборотов. И насмешливый серый взгляд смешал Гришку с дорожной пылью.

Для Петки смысл сказанного сразу потерялся, но Гриша отлично понял собеседницу. После минутной паузы он уже нормальным голосом и без кривляний коротко спросил:

– Батя? Братишка?

– Сожитель.

– Мала ты ещё для этих дел.

Рина чуть пожала плечами:

– Не так уж мала, да и успела.

По лицу Гришки пробежало облачко сомнения, но потом он картинно поклонился и представился:

– Ну, ты это, прости, сестрёнка. Не хотел обидеть. Гришаня я. Живу здесь. Увидел залётную птичку. Вот и потянуло на глупости.

– Я – Рина. Я новая сиделка у Петра Борисовича. Он внизу в доме с башенкой живет. Будем знакомы.

Девушка улыбнулась и протянула убийце свою маленькую руку. Гриша легко пожал узкую ладонь. Рина помахала ему на прощание и нырнула в магазин.

– Вот же напасть на наши головы. – Недовольно пробубнила Шершова.

– Да уж, таких лучше бы и не выпускали никогда. – Рискнул честно высказать свое мнение Петька.

Исподлобья оглядев мальчишку, старуха пояснила:

– Принесли черти ведьму. Хорошего не жди.

Резкие слова почему-то обидели Петьку, но он не решился на глазах Шершовой подойти к Рине, когда та выпорхнула из магазина. Приветливо улыбнувшись старухе, девчонка потащила увесистую сумку к дому Кащея.

4. Как усадьба стала пустошью

Колхозное собрание обошлось без сказочного явления прекрасной девицы Белолицы. Но девица сделала мне замечание. Правильно говорить «беллица». В нашем дремучем крае каждая сермяжная крестьянка запросто парларит по-итальянски.

Да, представляешь, я хожу на собрания. И даже голосую за всё, что предлагает наш бравый пастушок. Безыдейный я кисель. Что поделать.

В субботу Петька, Сашок и Толян отправились на танцы. Деревенский клуб сгорел ещё в благополучные семидесятые, и у лукогорцев сложилась привычка в ясные вечера выходных дней собираться на красивой опушке недалеко от реки. Получалось что-то среднее между дискотекой, пикником и салоном светского общения. Лукогорские музыканты притаскивали гитары-баяны, обеспечивая звуковое оформление сборища. И все, кому было не лень преодолеть путь от села до лужайки, могли попрыгать под музыку. Или пошептаться в тени старых берёз.

Приятной неожиданностью для Петьки и его команды стал переход из категории «мелкоты» на уровень «молодёжи». Завсегдатай деревенских вечеринок Жорка Верхин протянул троим по бутылке пива и сообщил, что в следующий раз неплохо бы и им самим постараться как в качестве спонсоров веселья, так и в качестве тягловой силы, доставляющей еду и напитки на опушку.

Терпкий аромат первых цветущих трав кружил голову, бессвязные мелодии, издаваемые расстроенными струнами, не заглушали звуков ночного леса, бархатная вечерняя зоря перебирала все оттенки жёлтого и красного. Петька танцевал и болтал о чём-то важном, пел и отдыхал, валялся на траве и упивался распирающим чувством свободы. В какой-то момент он заметил Рину, сидящую в стороне от общей компании.

Твёрдо веря, что мир начал поворачиваться к нему своими лучшими сторонами, Петька подошёл и, немного важничая, спросил:

– Почему не танцуешь?

Рина пожала плечами и чуть ехидно ответила:

– Стесняюсь. Я же новенькая.

Петька решительно махнул рукой:

– Брось, здесь все свои. Давай, я тебя со всеми познакомлю. Я всех знаю. И меня все знают.

Девчонка встала и улыбнулась:

– Темнеет уже. Домой пора.

– Пошли вместе.

Рина на ходу разглядывала всё вокруг, то задирая голову, то утыкаясь носом в придорожную траву. Петька не знал, о чём заговорить, и половина пути прошла в молчании. Но за мостом Рина собралась свернуть.

– Эй! Ты куда?

– Как куда? В деревню.

Петька, не веря собственным ушам, переспросил:

– Ты пойдёшь через пустошь?

Девчонка широко улыбнулась:

– А нельзя?

Петька принялся рассказывать историю барской усадьбы, и Рина волей-неволей пошла рядом с ним, по длинной дороге в обход проклятого места.

Усадьба Дмитрия Петровича Лукогорского была выстроена по всем канонам своего времени: барский дом с колоннами и портиком, два флигеля и некое подобие парка. Место для усадьбы князь выбрал сам – в стороне от деревни, но на возвышении, чтобы дом смотрел фасадом на речку. Неудачность этого выбора вскоре стала очевидна и лукогорцам, и самому Дмитрию Петровичу: если здания усадьбы выросли достаточно быстро и без особых проблем, то с дорогой к красивому барскому дому возникли серьёзные проблемы.

Поддерживать проложенную через лес дорогу в более-менее приличном состоянии оказалось затратной и бесполезной затеей. Любой дождь превращал дорогу в реку, и потоки воды смывали на своём пути всё, включая даже тяжёлые булыжники.

После отъезда князя за границу усадьба пришла в полную негодность. Венцы срубов сгнили, наспех сложенные фундаменты не выдержали испытаний русским климатом: один флигель рухнул сам по себе, а второй лукогорцы разобрали.

Старый барский дом от той же участи спас Николай Феокистович Лукогорский. Благодаря протекции государя именно этому наследнику удалось выиграть долгие судебные тяжбы с кузенами и тётками. Прибыв вступить во владение помещьем, новоиспечённый князь оказался перед лицом разрухи и запустения. Энергично взявшись за дело наведения порядка, практичный Николай Феокистович кардинально перестроил усадьбу, проложил к помещью другую дорогу, и даже собирался устроить неподалёку какое-нибудь прибыльное предприятие.

И быть бы Лукогорью каким-нибудь Кирпичеградом, вот только женатый князь внезапно влюбился.

Княгиня Аглая Севостьяновна Лукогорская предпочитала проводить время в столице, и помещьем не интересовалась. Князь, неизменно демонстрирующий всем уважение собственной супруги, большую часть года жил в деревне, и обычно расстраивался необходимостью появляться в столице. Счастливейшее семейство, да и только.

Но однажды, совершая конную прогулку вокруг собственных угодий, Николай Феокистович повстречал двух всадниц. Юная графиня Дерлянская показывала свои земли соседке по пансиону Елене. И один взгляд кротких глаз Елены в мгновение изменил жизнь князя.

Елена не стала упрямиться и поменяла статус тихой компаньонки на роль любимой экономки. Обосновавшись в помещье князя Николая, она превратила дом и сад в уютное место для встреч с немолодым уже барином. Какое-то время в Лукогорье царила идиллия, а потом шторм времени в очередной раз оставил от благоденствия Луковой горы лишь воспоминания.

Николай Феокистович отбыл в дальние края по каким-то срочным делам. Дела разрослись, затянулись, и Аглая Севостьяновна решила навестить фамильное помещье. Проверить, как идут ближние дела. Елена была скромна и почтительна, никто из верных вассалов не стал болтать лишнего о князе и его возлюбленной, княгиня отбыла восвояси с улыбкой на лице и удовольствием в голосе, но...

На вторую ночь после отъезда Аглаи помещье сгорело.

Пожары были обыденной и привычной частью бытия Лукогорья. Дома горели, погорельцы или отстраивались заново, или отправлялись в скитания в поисках лучшей доли. Посудачив и повздыхав об очередном бедствии, лукогорцы забывали о нём. Но вот пожар барской усадьбы стал мрачной легендой, не забытой и спустя столетие.

Один из конюхов Аглаи привёз в усадьбу несколько загадочных бочек с материалами для ремонта, однако никаких работ в усадьбе не велось, и куда делись эти бочки, осталось тайной. Другой конюх и одна из прислужниц Аглаи задержались в деревне после отъезда хозяйки, а потом вдруг исчезли. И хотя слова «поджог» лукогорцы из суеверия избегали, о «злой воле» заговорили, как только прошёл первый шок.

Усадебный дом вспыхнул разом, мгновенно, и горел совсем не так, как горят деревянные дома – постепенно напитываясь огнём, накаляясь. Дом Лукогорских охватило со всех сторон

невиданным пламенем – белым, ярким, слепящим. В панике выбегая из домов, лукогорцы оказывались перед лицом зарева на полнеба. Спасти усадьбу никто и не пытался.

Крыша барского дома провалилась ещё до рассвета, к полудню яростный огонь полностью сожрал свою добычу, и хотя ветер гнал пожар через приусадебный сад на лес, старые берёзы устояли. Огонь облизал их корни, приласкал стволы, сморщил нежные зелёные листочки на кончиках трепетных веток, но сжечь великанш своей неистовой страстью не смог, и отступился, скукожился, потерялся в уже мёртвом чёрном саду.

Елену нашли под берёзами, ещё живую, но обречённую. Несчастная хрипела что-то о проклятиях, о вечности, о пустоте. Агония не затянулась надолго. А уже на следующий день народная молва разнесла слова покойницы по окрестностям. Горелая плешь на месте усадьбы Лукогорских стала «пустошью», навечно проклятым местом, куда не должна ступать нога человека.

Выслушав трагический финал истории, Рина усмехнулась и заметила:

– Нелогично. Если ты будешь мучительно умирать, тебе будет важно проклясть место своей смерти? Не врага, не убийцу, а кусок почвы? Или ты всё же попытаешься сказать что-то о том, чего не успел сделать, передать что-то, о чём не успел предупредить?

– Не знаю. Я как-то не задумывался.

– Ты повторяешь то, что молва придумала. Но «проклятье» могло быть всего лишь «клятвой», «вечность» могли услышать вместо «венчания», а «пустотой» заменили «чистоту». Обобщив иной набор предсмертных хрипов, мы получим, что Елена не проклинала, а сожалела, что не успела повенчаться со своим любимым.

– Теперь этого не узнаешь.

– Это да. Но по пустоши ходят почти все лукогорцы, нисколько не вспоминая о проклятии тогда, когда им надо срезать путь к большому мосту. И ничего страшного ни с кем не случилось. Так что проклятие – милое деревенское суеверие, и только.

Петька недоверчиво кивнул, не желая ввязываться в бесполезный спор. Рина быстро спросила:

– Скажи, а что стало с князем Николаем? Он вернулся? Он не мог не узнать о пожаре. Наверняка был управляющий или староста в деревне, ему должны были сообщить.

– Вроде бы он не вернулся. Но почему – не знаю.

– Кажется, я зря думала, что здесь скучнейшее место на земле. Спасибо за историю, Петька. Увидимся.

За разговорами Петька не заметил, что они с Риной оказались уже у дома Кашея. Монументальный забор вокруг участка выглядел устрашающе. Кирпичные столбы держали тяжёлые пролёты тёмного металла, а наклепленные кое-где кованые декоры производили отталкивающее впечатление.

Рина уверенно залезла на высокий деревянный чурбан, стоящий прямо у самого забора, и не успел Петька опомниться, как она, чуть подпрыгнув, ухватилась руками за идущую по верху забора балку. Легко подтянувшись, девчонка перемахнула через забор и исчезла.

Наутро Петька не утерпел и спросил у тётки:

– Тётъ Оль, а что стало с князем Николаем? Помнишь, старая Глаша про него рассказывала?

– Он жену свою застрелил и умер в тюрьме французской.

Семён оторвался от тарелки и опроверг слова жены:

– Не путай пацана. То из Сидаково граф был. Наш сам застрелился, в Италии, а жена его потом ещё замуж вышла, и новый муж её побоями заморил.

Подбоченившись и чуть прищурившись, Ольга парировала:

– Сам ты не путай. Это про Сключниковых история. И не в Италии дело было, а в Португалии, и не жену заморили, а дочку, и не побоями, а утехами любовными.

– У Сключниковых не было дочки, а был сынок шалопай, который женился на вдове Матвея Куликова, а вдова потом ещё раз вышла замуж. Была большая неразбериха, а вдову потом любовник пристрелил. И вот он-то и умер во французской тюрьме.

– Не то ты говоришь. Любовник умер от чахотки. И не в тюрьме, а на пароходе. А девица, которая увела его от вдовы, стала выступать в цирке, и вот тогда-то она и встретила Сидакова, который её потом застрелил...

Вздыхнув, Петька решил, что в текущий момент жизни ему наплевать на замысловатые судьбы аристократов планеты. Пусть хоть все перестреляются.

5. Ведьма в мастерской

В деревне беспокойно. Взбесилась корова баимачника. Вырвалась из хлева и промчалась по деревне, как если бы вообразила себя королевой развлечений далёких южных стран. Но упражнений с красными плащами не дождалась и с досады разбилась-утопилась, бросившись в замёрзшую реку.

Серьёзная потеря.

Проведя несколько дней на полях вместе со Семёном, Петька изрядно умаялся, но был горд собой – дядька доверил ему трактор и даже позволил погонять на нём по просёлку между полями. Возвращаться к ежедневному безделью Петьке не хотелось, но Семён уехал куда-то в соседний район, и ничего не оставалось, как снова начать слоняться по деревне.

В середине дня Петька увидел Рину, но подойти к ней оказалось невозможным – рядом вышагивал Гришка. Петька обратил внимание на чуть покачивающуюся походку Маслова и брезгливо подумал, что этот отморозок снова пьян. Рину это, видимо, не смущало. Она улыбалась, и Гришка в ответ улыбался, будто хвастаясь дыркой от выбитого зуба.

Петька хотел было занять удобное место возле магазина, зная, что Рина пройдёт мимо, но на лавочке у тропинки к входу восседали четыре королевы Лукогорья: Старухи считали лавочку своим коллективным неприкосновенным троном, и каждый человек, оказавшийся поблизости, подвергался пристальному разбору и нелицеприятной критике. Этого собрания побаивались даже Тихон и Михалыч, так что Петька решил остаться за кустами калины.

Рина направилась не в магазин, а к большому дому в глубине бокового переулочка. Гришаня широким жестом распахнул перед девчонкой калитку, и Рина впорхнула внутрь. В глубине двора заскрипела тяжёлая дверь большого сарая, который на памяти Петьки всегда стоял закрытым.

Старухи немедленно оживились.

Шершовка высказалась по обыкновению резко и грубо:

– Во как теперь принято. Среди бела дня пришла, да и нырь в сарай. Ни стыда, ни совести. Городская пигалица.

Ильинишна сердито возразила:

– Коли так открыто пришла, так и умысла на что дурное нет.

Эмма Вольц высокомерно выдала:

– Какие вымыслы? Тут все факты налицо.

– А Кашеева дочка и не знает, что сиделка по чужим дворам шастает.

– Пойди, расскажи ей. Глядишь, благодарности дождёшься. Приласкает тебя злыдня словом добрым. Смотри, в инфаркт от её любезностей не запрокинься.

Шершовка прервала это отступление от темы:

– Болтаете ерунду, а хоть бы кто сказал пигалице про Гришку. Ударит ему хмель в голову, будем потом стенать, что беду не почуяли, не отвели.

Глебовна спокойно пояснила:

– Я ей всё рассказала. Если хмель куда и ударит – её проблемы будут. Знала, на что шла.

Ильинишна снова вставила свои пять копеек:

– А Ксанка-то и не чуёт, что муженёк лыжи налево вострит. Вот и верь паразитам этим двуногим. Ведь могла бросить дурака этого, уж сколько говорили ей – разведись, да живи свободно. Так нет, она его, видите ли, ждёт будет. Дождалась, что и говорить.

Шершова, брызгая слюной, принялась чехвостить уже Ксанку:

– Что ж ей не ждать было? Сама-то нищая, а как Гришка сел, она домину к своим рукам прибрала, да в загул ушла. Уж кто только к ней не хаживал, и Ксанка ни перед кем двери не закрывала.

Петька вдруг сообразил, что красавица Ксанка Маслова приходится Гришке не кем-нибудь, а женой. Открытие поразило его явной несуразностью. Невозможно было даже представить себе Гришку и Ксанку вместе.

Глебовна одернула старую кошёлку чуть более строго:

– Что ж ей было, красивой да молодой, столько лет себе в земных радостях отказывать? Гришка сам дурак, полез в драку никчёмную, да обе жизни и сломал – и свою, и Ксанкину. Были парой на загляденье, а теперь что он – пьяная никчёмка, что она – душа пропадающая.

Шершова ядовито парировала:

– Не выставляла бы Ксанка красоту свою каждому встречному напоказ, не полез бы и Гришка в ту драку. Так что кто кому жизнь сломал – ещё вопрос. Гришка чай не на курорте прохлаждался. А Ксанка в его постели других привечала.

– А ты нешто свечку держала? Или у ворот сидела, мужиков считала?

– Не твоего ума дело.

Грубость Шершовки оборвала разговор. Но через некоторое время Эмма засуетилась:

– Ксанка, лентяйка такая, за кустами не следит. Всё заросло, ничего не видно. Что они там в мастерской делают-то?

– Мастерством занимаются.

– Железками любят.

– Умишками соревнуются.

Вскоре калитка вновь распахнулась, и Рита с трудом удержала её, позволяя Гришке вынести на улицу непонятную железную конструкцию.

Петька едва удержался от смеха, заметив, как все старухи разом вытянулись, чтобы рассмотреть, что же происходит.

Гришка поднял над головой конструкцию и вместе с Ритой направился к боковому спуску с угора.

Старухи забубнили все разом:

– Не вижу. Что тащит-то? Ой, девоньки, глаза плохие стали. Что там такое?

– Железяку прёт.

– Вроде не тяжёлая.

– Неужели у Кашея железяк не нашлось?

– Э-эх, а Гришка толковый парень был.

– Говорят, и на зоне слесарил.

– Может, подпереть чего Кашею приспичило?

– Да на что подпорка такая нужна?

Петьке стало скучно, и он отправился отрывать приятелей от их занятий.

Возвращаясь с реки, приятели наткнулись на удивительное зрелище. Престарелый Кашей вышагивал по улице в сложном железном каркасе, который поддерживал дряхлое тело, а заодно и тащил его вперёд, неторопливо поворачивая большие колёсики.

А в центре вечернего променада на угоре оказалась Ксанка, перегоротившая дорогу Рине, только что загрузившей пару авосек в магазине:

– Эй, ты, сиделка! Ещё раз в сарае нашем тебя увижу – зашибу. Ясно?

Рина внимательно посмотрела на Ксанку, улыбнулась и простодушно призналась:

– Нет.

– Идиоткой не прикидывайся.

– А мне зачем прикидываться?

Лукавое замечание Рины заставило улыбнуться всех нечаянных свидетелей этого спонтанного выяснения отношений. Ксанка нахмурилась и сделала энергичный шаг вперёд.

Рина чуть отступила и быстро продолжила:

– Ты, Ксения, не сердись. Я по делам заходила. Гриша починил ходунки для Петра Борисовича. И отлично получилось. Так что твоему мужу спасибо огромное. Ну и бюджету твоему лишняя денежка ведь не помешает? Пётр Борисович не любит одалживаться, сразу заплатил за работу.

Красавица всплеснула руками:

– Ты дала Гришке денег?!

– А не надо было?

– Дура стоеросовая!

Вслед быстро убегавшей Ксанке Рина состроила уморительную гримаску. Валька и Алинка, пришедшие на угор вместе с Ксанкой, одарили ведьму сердитыми взглядами. Но другие лукогорцы оказались вполне довольны представлением.

6. Жизнь в сундуке

Сегодня вышел важный деревенский приказ: о запрете таких магических явлений, как порча и сглаз. Уж лучше бы стихи про отечество. От разговоров об идейной перековке болотной отшельницы в комсомолку у меня разболелась голова. Та ещё порча, как оказывается.

Над Лукогорьем неторопливо проплывал циклон, усердно заливая огороды и поля, а заодно превращая деревенских жителей в затворников собственных домов. Старушки время от времени собирались по двое-трое в магазине, но ненадолго, ибо ноги не казённые, а сидеть внутри торговой точки можно было только на паре кривых стульев.

Толян засел за учебники, Санёк принялся зубрить что-то своё, и торчать возле друзей Петьке не было никакого резона. Задачки из учебников он решал быстрее Толяна, а на маету Сашки не мог смотреть без хихиканья, что только раздражало друга.

Предоставленный самому себе Петька решил исследовать чердак дома тётки. Экспедиции на чердак он проводил каждый год и не по одному разу. Увы, с каждым разом шансы найти что-то новое и интересное таяли, и мрачноватое тёмное пространство, некогда казавшееся бесконечным, превратилось в хорошо знакомую тесную свалку барахла нескольких поколений.

Дождь приятно шуршал по крыше, электрический свет изгонял тени из чердачных углов, и Петька принялся проверять, на месте ли старые сокровища.

Центром чердака всегда являлся большой шкаф, подпирающий стропила. Монументальный предмет мебели был сработан деревенскими плотниками в незапамятные времена, и, насколько Петька знал, в дом тётки шкаф был занесён как та вещь, которую нельзя выкинуть. Места в жилом интерьере шкафу не нашлось, и он занял своё почётное место чердачного колосса.

Начитавшись сказок, маленький Петька искал внутри шкафа проход в какой-нибудь волшебный мир, но кроме пыльных мешков с тряпьем так ничего и не нашёл. Ольга при случае упоминала, что мешках есть уникальные старые платья. Но Петька разумно полагал, что случись оказия, Ольга и не вспомнит, какие именно мешки хранят те платья, а ему самому ковыряться в тряпье не хотелось.

Часть чердака занимала гора коробок и корзинок, в которых были сложены всевозможные вещицы, ещё способные когда-нибудь пригодиться. Запас этих потенциальных полезностей медленно рос, но не расходовался. Одно время Петьке нравилось перебирать загадочные штучки, назначение которых не всегда удавалось угадать, но теперь всё это представлялось просто хламом, который надо было бы отправить на свалку.

Под крышей там и сям торчали комки паутины и пыли, внутри которых прятались авиа-модели, которыми некогда очень гордились двоюродные братья Петьки. Трогать хрупкие самолётики малышу Петьке категорически запрещалось, и теперь он время от времени ловил себя на мысли сбить какую-нибудь игрушку и сокрушить её. Вот только серые, унылые, потерявшие форму модели были так очевидно забыты, что крушение представлялось не актом вандализма, а ритуалом уважительного избавления от печальной участи ненужности.

В одном из углов чердака прятался ламповый телевизор. Петька однажды скрутил крышку, но был невероятно разочарован тем, что внутренности древности раскурочил кто-то до него.

С двух сторон телевизор подпирали стопки журналов. Ольга старательно копила всю макулатуру, которая только попадала в её дом. Некоторые связки были аккуратными подборками по изданиям и годам. Но по большей части журналы были хаотичной смесью самых невероятных названий и лет.

Журналы заполняли и часть сундука. Расписной ящик с перекошенной и разошедшейся крышкой стоял за шкафом, и помимо периодики в нём хранились три иконы. Грязные липкие доски со специфическим запахом были завернуты в несколько слоёв газет, сложены в наволочку, и ещё раз обернуты полиэтиленовой плёнкой. Крест синей изоленты символизировал нерушимость этой упаковки. На памяти Петьки последний раз иконы распаковывались так давно, что кроме самого факта распаковки он ничего и не помнил.

Крышка сундука подалась легко, но требовались силы удержать её. Бросив мимолётный взгляд внутрь, Петька убедился, что всё осталось по-прежнему. Почти всё пространство сундука занимали тетрадки, конверты с письмами, отдельные записки и прочие свидетельства чьих-то жизней.

У Петьки не было желания копаться в сундуке, тем более что, как он наверняка знал по прошлым копаниям, ничего интересного в нём не было. Машинально перелистав лежащую сверху тетрадку, Петька выхватил взглядом обрывки сказок старой Глаши.

...бросила Берёзушка на топкую дорожку свою тонкую серёжку, проросли из семян деревца. Склонили деревца свои кроны, устлали болото зелёными веточками, прошла Берёзушка через проклятые земли и волшебника Севера за собой вывела. Гналась за ними орда тёмных стражников, да не догнала. Искала их свора злых псов, да не нашла. В сказочной стране стали Берёзушка и Север жить-поживать, знаний наживать...

Добрая волшебница Берёзушка была любимым персонажем Глаши. Она неизменно появлялась в критический момент, чтобы спасти несчастных сирот от злобных властелинов. Петька из этих сказок давно вырос, но вместе с тем инстинктивно чувствовал в них какую-то тайную мощь. В сказках Глаши хранилось нечто забытое, к чему следовало относиться уважительно.

...побрела чужестранка в тёмный лес, наткнулась на белое деревце, обняла его и заплакала. А Берёзушка ей и говорит: «Не плачь, сестрица Лукерьюшка. Я твоему горю помогу, от злодея спрячу, беду отведу». Взмахнула зелёной веточкой Берёзушка и укутала чужестранку в свой зелёный плащ. И стала чужестранка похожа на других девишек. Искал колдун чужестранку, да не нашёл. И стала с тех пор Лукерьюшка жить-поживать, горя не знать...

В детстве Петька был уверен, что сказки о Берёзушке также общеизвестны как истории о Золушке или Красной Шапочке. Когда он открыл, что сказки Глаши – сугубо лукогорский фольклор, это его немало озадачило, но потом он наткнулся на сидаковские былины про Кысю-Рысю, и понял, что своих сказок везде хватает.

...засохла трава, потрескалась земля. Скрючилось белое деревце, растеряло листочки. Шёл встречать рассвет мальчик Зорюшка. Увидел бедняжку-Берёзушку, пожалел, сбежал к родничку, принёс в ладошках водички, напоил. Расцвела Берёзушка и подарила доброму Зорюшке берестовый венец, и пожелала ему встретить ясноглазую любишку-голубушку...

Многие лукогорцы пытались записывать сказки Глаши, но сказочница всегда импровизировала, и сказки, вроде бы одинаковые в начале, частенько приходили к разным финалам. Глаша причудливо меняла сюжеты, обстоятельства, персонажей, и любая запись становилась лишь одной из множества вариаций. Читать сказки отчего-то было скучно, но Петька помнил особое уютное ощущение, которое возникало, когда Глаша рассказывала свои фантазии.

В тишину чердака, наполненную множеством шорохов и шевелений, вплёлся непривычный звук. Петька насторожился, но не мог понять, откуда исходит это шуршание. Глаза уловили какое-то крохотное движение, но понять, где оно и что означает, Петьке удалось не сразу.

Рядом с сундуком к стропилам было прислонено несколько досок. И в верхней доске набухал прыщ. Мелкие древесные частицы рассеивались пылью в скудном свете далёкой лампы. Маленькая опухоль шевелилась, вибрировала, росла, прорываясь сквозь древесину и постепенно превращаясь в свешивающегося червяка. Бока червяка были украшены двумя чёрными спиралями. Выбравшись из заточения, червяк развернул спирали в невероятно длин-

ные усики, отряхнул лапки, протёр маленькую голову и превратился в большого жука-точильщика.

Петька никогда не видел подобных созданий, и восхищение смешалось в нём с паникой. Жук, нисколько не смущённый оторопью царя природы, принялся проверять жёсткие надкрылья. В нём было не меньше трёх сантиметров в длину, не считая усов в два раза больше всего тела.

Мельком глянув на оставленную жуком рану в доске, Петька пришёл в ужас. Дырка казалась огромной и слишком зияющей, нарочито заметной. Присмотревшись, мальчишка понял, что она далеко не единственная. Рядом были такие же, только уже слившиеся по цвету с остальной серой поверхностью.

Дребезжащий звук, с которым жук пошевелил длинными усами, прокатился по телу Петьки волной дрожи. Чудовище презрительно повело головой и попыталось взлететь. Но неуверенные крылья подвели, и жук свалился прямо в сундук. Петька автоматически спрятался за стенку сундука, а потом украдкой выглянул, чтобы увидеть, как жук неторопливо шествует по бумагам и книгам.

На мгновение Петьке показалось, что вот-вот со всех сторон ползут другие жуки, но он подавил страх, бросил на жука старую тетрадь и быстро захлопнул крышку сундука. Встав и отряхнувшись, мальчишка бросился вниз, в уютное тепло жилой части дома.

7. Исчезновение

У загадочного женского недомогания есть одно простое объяснение. Как и у всех сюрпризов последнего месяца. Если лунный календарь не врёт, лето будет тревожным. Так некстати. Но с природой не поспоришь.

Долго смотрела в звёздное небо. Ждала знака. Не дождалась.

Лукогорских девчонок Петька считал задаваками. Все они приезжали на каникулы, как и он сам, но привык воспринимать их как часть местного населения и мысленно обозначал их деревенскими. Общаться с девчонками ему хотелось, но обычно они занимались своими играми, в которых Петька даже если и порывался принимать участие, как-то быстро оказывался единственным проигравшим.

С прошлого лета Женька обзавелась короткой чёлкой. Обруч с цветочком, водружённый над чёлкой, напоминал плюмаж, и Петьке это показалось смешным. А вот красная помада на губах Женьки тревожила. Помада исключала Женьку из категории «пигалицы».

Динка сделала сверх-короткую мальчишескую стрижку. Мечты о театральной карьере заставляли Динку всю свою жизнь превращать в репетиции умозрительных ролей, и за глаза её часто называли кривлякой, хотя она была самой симпатичной из девчонок.

Мышка как была серой невзрачностью, так ею и осталась. И если подружки за год вытянулись и обрели почти взрослые формы, Мышка вроде бы и не выросла совсем. У Мышки было красивое имя Ярослава, но из-за косоглазия она всегда держалась неприметно, за другими девчонками. Поэтому и получила устойчивое прозвище, которое воспринимала без каких-либо обид.

Петька встретил девчонок в рощице, куда забрёл проверить грибные места. И как-то само собой получилось, что проверять что-либо ему расхотелось, а захотелось рассказать девчонкам о своей грандиозной затее – постройке плотины. Девчонки слушали его внимательно, но Петька не мог понять, удалось ли ему донести до них весь масштаб замысла.

Уже на подходе к деревне компанию перехватил Тихон Дмитриев. Формально Тихон был обычным пенсионером, но за неимением никого другого он продолжал оставаться председателем, то есть человеком, ответственным за всё, что происходит в деревне и вокруг неё. Столь сурового лица председателя Петька давно не видел и мысленно начал перебирать все свои преступления.

Но Тихон, обеда подростков взволнованным взглядом, спросил:

– Эй, внимание! Вы Ларку Иванову из Сидаково не видели?

Девчонки дружно залопотали «нет», «не видели», «не знаем», сопровождая ответы недолгими пожиманиями плеч.

Тихон сумрачно объяснил:

– Пропала девка. Третьего дня ушла сюда – к Клавке, вроде как в гости. Дома думали, она у Клавы осталась. А Клава решила, что она не пришла, потому что родители работой загрузили.

Все попытались припомнить, когда видели хохотушку из соседнего села. Тихон веско добавил:

– Как уходила – видел народ, а вот сюда она уже не дошла.

С этим компания и разбелась по домам.

Дома Петьку поджидали рассуждения Семёна и двух соседских мужиков:

– Вечно от этих вертихвосток одни проблемы.

– Нинка, помните, тоже потерялась. А потом давай телеграммы слать. Всё, мол, хорошо, работаю, отдыхаю. Замужем за иностранцем.

– Да дети они до седых волос. Откуда им жизни-то научиться, коли на всём готовом живут. Это нам с малолетства вкалывать приходилось, а у них ветер в голове, пустота одна.

– Надо по тропке, что углом леса идёт, пройтись. Помнишь, как в позапрошлом году пьяный Любимов башку там расшиб?

– И пустошь проверить надо.

– Собирайте всех, кого соберёте, встречаемся через полчаса у лестницы на угоре. И посматривайте по сторонам, мало ли что.

Вернувшийся уже в ночи Семён устало плюхнулся на стул и отрицательно покачал головой. Ольга всплеснула руками, запричитала и бросилась разогревать мужу давно остывший ужин.

8. Чёрный овраг

*Физика нашего мира не предусматривает бесконечных поленищ.
Я не рассчитывала на столь быстрый и бестолковый расход дров.
Придётся идти на поклон к пастушку. Ни капли гордости. Ни крошки
самоуважения. Жалкая букашка, которую и раздавить-то гадко. Так
себе амплуа. Но дрова важнее.*

Дожди кончились, лес и луг подсохли, пришла пора провести, оказалось ли гидротехническое сооружение мальчишек гениальным или просто очень хорошим. Женька и Динка уже торчали на угоре, когда Петька пришёл к месту встречи. Вскоре подбежали Сашок и Толян.

Спустившись с угора, Петька заметил Рину, которая сидела на лавочке у тропки к баням и читала книгу.

– Эй, Рина!

– А? Что? – Девчонке потребовалось около минуты, чтобы осознать, где и с кем она находится.

– Пойдёшь с нами плотину смотреть?

Рина посмотрела куда-то за горизонт, задумчиво склонила голову в одну сторону, в другую, а потом решительно согласилась:

– Да. Пойду.

Возле Лукогорья росли берёзовые рощи и светлые лиственные леса, но на другом берегу Облепиховки, за поворотом реки к северу от деревни стоял частый ельник, у самого берега переходящий в плотные заросли ивняка. От солнечного цветного луга, по которому шагала компания, этот лес казался непроходимой тёмной стеной с угрожающе торчащими зубцами сверху.

Дожди наполнили реку силой, уровень воды поднялся до самого края берегов. Обычно на перекате речку переходили по простому дощатому настилу, лежащему на камнях. Но прилив сорвал верёвки с одной стороны берега, и частично поломанные деревянные плотники сбило в кучу. Петька, скинув сандалии, начал перебираться через реку, однако почти сразу увяз до колена, ощущая, как быстро мёрзнут ноги в холодной воде. Не останавливаясь и не давая себе задуматься о разных неприятных «вдруг», Петька добрался до другого берега.

Друзья, оставшиеся сзади, не торопились рукоплескать первопроходцу. Сбившись в кучку, компания что-то горячо обсуждала.

Сашок и Толян под руководством Рины вытащили два плотика из настила, и переправа началась. Забравшись на один плотик, девчонки ждали, пока мальчишки перетащат второй вперёд, перепрыгивали на него, ждали снова, и так постепенно продвигались над камнями и водой. Вся эта эпопея сопровождалась взвизгами, смешками, отвлечённой болтовнёй, и к моменту завершения перехода все уже забыли, куда и зачем направлялись. Подъём в гору по заброшенной, наполовину заросшей дороге прошёл бодро и весело.

Уже истончившийся Синий ручей неторопливо стекал к реке по своему обычному руслу. На камнях болтались клочки водорослей, вдоль вязких берегов росли пучки болотных трав, к журчанию воды примешивался едва различимый шорох мелких камней, перебираемых ручьём в углублениях дна.

Остатки плотины в виде нескольких жердей сиротливо валялись вдоль русла и по берегам, показывая, сколь мощный поток смыл все жалкие построения мальчишек.

Компания приуныла. Рина, не ставшая спускаться вдоль канавы русла, попрыгала туда-сюда и громко сообщила:

– Смотрите, как дальше всё размыло. Целый каньон. – Звонящий голос донёсся уже откуда-то сбоку, из-за деревьев. – Идёмте, посмотрим, куда вода шла, пока плотину не снесло.

Некогда Чёрный овраг был устрашающим разломом леса, но со временем склоны его поросли лесом, сгладились, и от собственно оврага остались лишь несколько круч, высота которых не превышала пары метров. На дне оврага были заметны промоины и следы стихийного потока, местами растащившего верхний слой грунта. Поток принёс с собой следы близкой цивилизации, оставив в безлюдном овраге блестящие фантики и пару смятых пластиковых бутылок. Эти крошечные дополнения полностью меняли впечатление от места, превращая зловещий овраг в обычный лес.

Компания, обсуждая силу произведённых разрушений, начала пробираться по склону вниз, то и дело застревая и споря обо всём, что только было связано с понятием «вода».

Подмыв одну из круч, поток воды обнажил корни нескольких старых деревьев, и теперь они торчали из склона неопрятными клубками самых замысловатых переплетений.

Рина вдруг остановилась и показала куда-то в центр этой кучи:

– Смотрите! Там что-то блестит. Будто золотинка.

Петька напрасно напряг взгляд в поисках яркой искорки. В хитросплетении и извивах корней не было не только золотинок, в них не было ни одной крошки тёплых цветов. Не то, что жёлтого, но даже и бежевого.

Сашок со смешком ответил:

– Фантик.

Рина подошла к нагромождению кривых и изломанных корней вплотную, пытаясь рассмотреть что-то видимое ей одной внутри одного из коконов. Толян вдруг встрепенулся и резко крикнул:

– Стой!

Ведьма полуобернулась, и Толян веско добавил:

– Там мертвяк.

Рина вгляделась и через несколько секунд отпрыгнула назад, издав сдавленное и глухое «ой».

Петька напрасно изучал грязную кучу. Никаких мертвецов из веток и прутьев не складывалось. Девчонки боязливо огляделись и прижались друг к другу. Толян подошёл и встал рядом с ведьмой. Указав пальцем на тёмный камень глубоко под корнями, он объяснил:

– Это череп.

Сухая констатация Толяна повергла Петьку в оцепенение. Острое желание отвести взгляд было подавлено неукротимым любопытством.

На тёмно-коричневом булыжнике не было видно ни глазниц, ни каких-либо анатомических деталей. Это был просто камень. Лишь один светлый кусочек чуть выделялся на фоне остальной поверхности. Петьке сначала показалось, будто это толстая гусеница ребристой полоской улеглась на выступе камня, но статичность и мертвенная тусклость пятна опровергали догадку. Из глубины сознания притекла желеобразная, медленная и ужасающая догадка: «Зубы!»

Женька пронзительно завизжала.

Сашок грубо толкнул девчонку в бок и резко скомандовал:

– Заткнись!

Рина заметила:

– Зубы целы и все хорошие. Она умерла молодой.

Толян поддержал разговор:

– Рёбер не видно, но вон, видишь, кисть торчит. Гребешок, будто раковина инопланетная.

И ноги должны быть, если их, конечно, не смыло.

– Скорее, растащило корнями. Дерево-то, считай, сквозь неё проросло.

Хладнокровное обсуждение привело Петьку в раздражение. Подобная сцена была бы уместной в криминальном детективе, который уютно читать зимним вечером на тёплом диване. Но в тёмном лесу Чёрного оврага изучение картины чьей-то смерти вызывало инстинктивный, идущий из какого-то древнего центра мозга протест. Надо выбираться отсюда и поскорее.

Вздохнув, Рина куда-то в воздух неопределённо спросила:

– Интересно, и почему я так уверена, что это была «она»?

Динка вовремя запечатала рот подружки ладонью, и вместо очередного визга Женька издала лишь жалостливый всхлип. Убедившись, что Женька затихла, Динка спросила:

– Это... это... не Лара?

– Нет. Лара ещё не успела корнями обрасти. Лара, может, даже и помереть не успела. А этой дамочке лет сто уже. А, может быть, и двести. – Хихикнув, Рина весело добавила. – А может, полкило.

– Почему она в лесу, а не на кладбище?

– Кто его знает. Шла по лесу, упала, кости переломала, умерла. Может, искали её, но не нашли. Сверху пласт земли сполз и тело закрыл. Всё.

– Не так уж высоко, чтобы расшибиться. Это надо вниз головой прыгнуть, желательно на камень, а здесь мягкая земля.

Женька отвернулась и отбежала в сторону, закрыв лицо руками. Петька подошёл и приобнял пласку за плечи, надеясь, что она перестанет терзать его уши изматывающими хлюпающими звуками.

Рина выпрямилась и задумчиво добавила:

– Да уж, специально считать будешь и не угадаешь, чтобы так точно эти корни подмыть. Повезло вам... Хотя как сказать. Лукогорье ждёт нашествие разных умных дядек, которые будут репы чесать, да придумывать теории вокруг того, уж не нашлась ли в русском лесу давно потерянная мумия какой-нибудь древнеегипетской принцессы.

Сашок встал рядом с Риной и задумчиво спросил:

– Как думаете, кто она? И почему её не нашли? Не искали?

– Крестьянка местная. Пошла по грибы-ягоды, заблудилась, потерялась. А не нашли, потому что искали в другой стороне.

Динка дополнила шеренгу любопытных, пристроившись сбоку от Толяна:

– Крестьянки по одной в тёмные леса не бегали. И аукались, далеко друг от друга не отходили. Да и как здесь потеряться? Ясно, что вниз надо спускаться, к реке, по реке к людям всегда выйдешь. Да и деревню в ясный день видно.

Оглядев шеренгу гадателей на костях, Петька попытался воззвать к здравому смыслу:

– Эй, трепачи! Дома теории строить будете. Пошли обратно, нам ещё до деревни добираться. Пока придём, пока расскажем, день кончится.

Рина кивнула и начала подниматься вверх. Остальные последовали за ней.

Взяв Женьку за руку, Петька потащил всхлипывающую девчонку по лесному бездорожью. Звуки, издаваемые Женькой, были остро неприятны, но ощущение незащищённости девчонки, плетущейся рядом, Петьку вдохновляло. Так приятно быть сильным и смелым. Да ещё и заботливым.

Вынырнув из леса на берег реки, Петька испытал радость избавления от страшной сказки, но все остальные казались спокойными, будто находка черепа несколько их не взволновала. И всё же переправу уже не затевали. Все быстро перебрались вброд самостоятельно, лишь изредка протягивая друг другу руки и предупреждая о скользких камнях или торчащих ветках.

На лугу компания начала болтать о скорости разложения тела, способах перелома костей и прочей мертвечине.

– Интересно, что сказала бы Глаша, узнав о такой находке?

– Сочинила бы сказку про несчастную принцессу, запертую в зачарованном лесу. И обязательно с привидением в конце. К которому нельзя подходить, а то будут проблемы с возвращением из потустороннего мира.

– А может, это была бы сказка про глупую принцессу, которая подошла к привидению, и оно утатило её на тот свет. Но не совсем. И теперь они вдвоём гуляют по тёмному лесу. Подружками, так сказать.

Петька прибавил шаг, утаскивая хнычущую Женьку подальше от бесед о смерти. Но он не столько заботился о девчонке, сколько бежал от равнодушных голосов. Версии и домыслы компании раздражали его непринуждённостью и весельем, которое нет-нет, да проскакивало в интонациях друзей.

Почему-то Петьке казалось, что кто-то могущественный наблюдает за беспечной компанией из оставшегося позади тёмного ельника. И этому наблюдателю не по душе весёлое настроение тех, кто только что раскрыл страшную тайну леса.

Объяснения в старой колхозной конторе отняли у Петьки последние силы. Узнав о находке детишек, Тихон позвал в контору Семёна и ещё пару деревенских мужиков, после чего торжественно заявил, что дело это секретное, и болтать о нём не следует. Потому что если разболтать, уже завтра на рассвете кости будут затоптаны и растащены на сувениры. А неплохо бы сначала разобраться, что это за кости, и по какому праву они без спроса и уведомления взяли и залегли в лукогорском лесу.

Договорившись поутру убедиться в том, что кости не есть явление массовой детской галлюцинации, взрослые велели всей компании отправляться по домам.

Выйдя на крыльцо, Рина потянулась руками вперёд и весело констатировала:

– Отличный денёк. Отдохнула на славу. Кому рассказать, и не поверят.

Толян развёл руками в стороны и парировал:

– Если тебе не поверят, что же мне рассказывать?

Рина рассмеялась. Серебристые, переливающиеся нотки этого смеха отдались в голове Петьки мощным и болезненным набатом. Он сбежал с крыльца и бросился домой.

9. Сплетницы

Сегодня на повестке дня: 1. Семейные ценности. 2. Вступление обитателей колдовского болота в колхоз. 3. Стихи о весне.

Между прочим, в колхоз мы давно вступили. Отшельница в артели кружевниц единственная мастерица. Старый кузнец в бригаде плотников запевалой числится. А почему Белолицу в коровник пригласили, мне неведомо. Тёмная это магия.

Ты улыбнётся, Север? Когда-нибудь. Может быть.

Петьке представлялось, что после страшной находки всё Лукогорье переполошится и забуллит догадками о том, чьи же останки обнаружили в овраге. Но никого этот вопрос не заинтересовал. Рина проводила Тихона к костям, Тихон проводил к костям приехавших ментов, менты поглазели на кости и заявили, что кости слишком старые и не относятся к их юрисдикции. Тихон сообщил о костях «куда надо», и на этом всё затихло. Слухи, конечно, разошлись, но желающих тащить кости на сувениры не нашлось.

Петька бесцельно слонялся по деревне, мысленно ругая приятелей, занятых собственными делами. Сашок возился с больной бабкой, Толян мучился с задачиком. Уговаривать их Петьке было лениво, но и одному искать себе приключений не хотелось.

Петька проверил заросли малины, они предсказуемо оказались ещё зелёными. Петька поглазел на карасей в прудике Клавки, прикинул, что их можно ловить детским сачком для бабочек. Петька вышел и постоял на дороге, но так и не переступил волшебный круг притяжения Лукогорья. Идти было некуда.

Потом Петька заметил, что Валька и Рина остановились поболтать под забором Мотьки. Разработки специальной операции по проникновению в чужой огород не требовалось, но Петька вообразил себя спецназовцем, выполняющим ответственное задание на территории потенциального противника. Добраться до зарослей шиповника, поддерживающих забор Мотьки в условно вертикальном состоянии, удалось минуты за две.

Единственной заминкой стала жирная гусеница, свалившаяся на Петьку с погибающей яблони. Тело гусеницы оказалось усыпано тёмными точками. Присмотревшись, Петька понял, что точки – это крохотные отверстия, потенциальную бабочку сожрали личинки осы. Брезгливо стряхнув с себя агонизирующее существо, Петька прислушался к заботливому голосу Вальки:

- Ты одна везде бегаешь. А у нас всякое случается.
- А в столице всякого не случается? Там каждый день девчонки пропадают.
- Там людей много, кто-нибудь да поможет.
- Как раз такая наивность многих и губит. Скажи, а, может, Ларка на заработки подалась?

А не предупредила, потому что... да мало ли почему, сто причин может быть. Автобус увидела, села, да и думать забыла про родную деревню. Опомнится через месяц-другой, даст о себе знать. Может, и вернётся.

Валька шумно и тяжело вздохнула:

– У Ларки всё было. У неё родители в разводе, и мать снова замуж вышла. А отец нефтяник, деньги хорошие зарабатывает, и на алименты никогда не скупился.

После небольшой заминки Рина выдвинула следующую версию:

– Сейчас ведь экзамены всякие вступительные. Вдруг она поступать уехала, а говорить не хотела, чтобы не заклевали, если провалится? Кончится страда абитуриентская, и Ларка вернётся, студенческим билетом хвастаясь.

– Ларка? Студентка? Не смей мои уши. Она и школу еле вытянула.

– А кавалеры у неё были?

Сломав ветку черёмухи, Валька отмахнулась от налетевших комаров и чуть назидательно ответила:

– Да какие тут кавалеры...

– А парень такой высокий, с веснушками – разве не твой кавалер? Я сначала подумала, что с такой физиономией он наверняка местный заводила. Но я ему пару раз улыбнулась, так он даже не заметил. Только ты не ревнуй, если у вас серьёзно. Я ничего такого, просто улыбнулась.

– Жорка хороший.

– Ой, а порозовела-то как. Он тебе нравится!

– Тсс, не болтай попусту.

– Не буду. Может, у Ларки тайный воздыхатель был?

– Что тут тайного. Венька пытался за ней приударить. Но Венька у нас вроде лампочки сигнальной. Если он за девицей пытается приударить, значит, выросла девица, в пору на выданье вышла. Он и мне всякие цветочки-платочки дарить пытался. Я его на смех подняла, да он тот смех за знак внимания принял.

Рина весело заметила:

– Ой, спасибо, что предупредила. А то я на платочек уж было повелась.

Девушки захихикали, и Валька дополнила:

– Мотька в Ларку был влюблён. Подарки несуразные приносил. Таскался за ней повсюду. Даже петь под гитару пытался. Но неуверенный он, Мотька, хотя и симпатичный. Ну и бедный, конечно. Так и заглохло всё.

– Я ещё не всех выучила. Мотька – это который комбайнёр у Семёна?

– Да, тот самый. Было дело, и Лёшка огородным рабом у Ларки целое лето трудился. Только обманула его Ларка, в тёплых объятиях не согрела. Он на зиму в Подолье уехал, а как вернулся – всё, отрезало всю любовь. Клавка его потом окрутила, в прошлом году свадьбу сыграли.

Хлопнув в ладоши, Рина воскликнула:

– Так мало кавалеров, что пачками обманывать можно!

Валька иронично-назидательно ответила:

– Кавалеров не счесть, да пуда соли с ними не съесть.

– Может, у самой Ларки любовь какая несчастная приключилась?

– Да нет. Ларка о богатом муже мечтала. Чтобы он ей дорогие подарки притаскивал да по границам возил. И чтобы пройти с ним по какой-нибудь красной дорожке. Ну, знаешь, машина красивая медленно притормаживает, останавливается, мужчина распахивает дверцу, а из машины нога в туфельке на шпильке высовывается. А потом разодетая дива, сверкая бриллиантами, улыбается сотне фотокамер.

Фыркнув и хлопнув ладонью по ноге, Рина придумала:

– Прикинь, лет через десять сидим мы у телека, а там вдруг Ларка на красной дорожке. Вся в бриллиантах и улыбках. С богатым мужем. И мы давай диванные подушечки жевать с досады и зависти.

– Нет. Мы давай смеяться, потому что бриллианты на Ларке мелкие да фальшивые, не чета нашим первоклассным.

Звонкий смех разбежался вдоль деревенской улицы. Девушки пошушукались ещё немного, потом Рина заторопилась восвояси, а Валька ушла в свою сторону.

Петька принялся было выполнять спецоперацию по незаметному возвращению героического разведчика к своим, но передумал и неторопливо побрёл прочь, взметая дорожную пыль и пугая куриц.

10. Ведьма в церкви

Скатерти, салфетки, рюмки, вилки, ложки... Надоел этот бесконечный и никчёмный учёт. Неужели можно всерьёз думать, что если бы у меня было сокровище, я бы сидела в родном болоте?

Отдала Акулинке кружевной капор старой княгини, и она натянула его задом наперёд. Умора. Но приезжий комиссар рассердился. Совсем нет чувства юмора у строителя новой жизни.

Ольге приспичило отправиться в соседнее Сидаково, в церковь Святой Троицы. И волей-неволей Петьке пришлось тащиться вместе с тёткой. Сидаковская развалюха была последним местом на планете, где Петька хотел бы оказаться. Однако проигнорировать строгое указание Семёна было невозможно. Порыв Петьки промямлить что-то вроде «не-не-не» Семён счёл выражением радости и безусловным согласием с мнением старшего в доме.

Ольга вспоминала о православии три-четыре раза в год. Приодевшись и придав своим мыслям благостное направление, Ольга приходила в храм, выстаивала службу, кидала немного денег в ящик с прорезью, общалась со знакомыми, после чего с лёгким чувством выполнения обязательной программы отправлялась домой.

Петька не понимал, зачем тётка ходит в церковь. Ольга брезговала целовать иконы, никогда не просила никаких благословений, не причащалась, не ставила свечей, да и крестилась торопливо-неумело. Но всё же в её внутреннем плане жизни был пункт «сходить в церковь», и она ходила, нисколько не задумываясь о логических несуразностях.

Сидаково встретило Ольгу и Петьку без всякой помпезности. Унылая Троицкая церковь казалась покосившейся сразу на все стороны. Новый купол ухитрился за пару лет перенять геометрию стен, и теперь будто стекал с барабана. Мозаика в нише над входом осыпалась больше, чем наполовину, во время ремонта пустые дырки замазали штукатуркой, отчего образ стал лоскутным и чем-то смахивающим на арлекина из балаганного театра. Но никто из местных этого не замечал, а приезжие тактично помалкивали.

На пыльном дворе храма собралось с десяток старух. До службы оставалось ещё немного времени, и Ольга начала ленивый переброс словами со старой Глебовной.

Огурцы, картошка, трактор, завтра не сегодня, дети разгильдяи, хороший хлопок, крыльцо, столбы, спина болит, и ничему-то не учат в этой школе, старая капуста, новый матрас, кефир полезен, конфеты подорожали...

Петька и не надеялся понять что-либо в этом женском словесном вареве. Ему представлялось, что медленная и тягучая беседа – лишь одна из голов бессмертного чудовища, которое с древнейших времён непрерывно росло и умножало свои головы. Из каждого слова этих бесконечных женских говорилен вырастала новая многоголовая гидра, и все они немедленно начинали говорить.

Задумавшись, Петька не сразу заметил, что гидры приумолкли.

Между покосившихся столбов ворот храма стояла Рина. Сиделка пришла в церковь. В длинной тёмной юбке до щиколоток, ситцевой рубашечке с длинными рукавами и в простом белом платочке, завязанном по-деревенски под подбородком. Через её плечо была перекинута холщовая сумка на длинной лямке. Если бы кто-то из передвижников увидел это явление, Русский музей пополнился бы шедевром «Тревога перед исповедью».

Немного поколебавшись, Рина направилась прямо к Глебовне, и на мгновение у Петьки возникло ощущение, что явно растерявшаяся Глебовна спрячется за Ольгу.

Рина остановилась в метре от старухи и неуверенно пролепетала:

– Вы простите, Ульяна Глебовна, я совсем не разбираюсь в этих церковных премудростях. Вы не могли бы мне помочь?

Девушка смотрела на Глебовну с выражением уставшего ребёнка, просящего попить водички. Припухшие веки и тени под глазами портили лицо, делая Рину похожей скорее на Ольгу, чем на розовощёких деревенских девчонок. Пронзительная глубина серых глаз лишала сиделку ауры юной беззаботности и легкомыслия. И тонкая, хрупкая, воздушная Рина, чуть расставив ноги, попирала церковный двор так твёрдо, как не смог бы и какой-нибудь сказочный исполин. Местный дурачок Поруня, рубаху которого можно было спутать с двуспальным пододеяльником, занимал меньше места и оказывал меньшее давление на почву.

– Чего тебе надо? – Ответ Глебовны прозвучал очевидно резче, чем сама старуха хотела. И сразу за вопросом Глебовна широко улыбнулась.

Петька знал, что приоткрывшийся старческий рот с торчащими снизу клыками – улыбка, но Рине потребовалось время, чтобы осознать это. Видимо, уговорив себя, что вряд ли её слопают прямо у дверей церкви, Рина начала путанные объяснения:

– Вы, наверное, знаете, как молиться за мёртвых? Я всё хожу и думаю, что кто-то должен помолиться за ту несчастную из леса. Ведь тогда, давно, никто не узнал о том, что её убили. Никто не попросил спасения её души. А на ней крестик был. Нам надо позаботиться о ней.

Что-то особенное было в этих простых словах. И лукогорские, и сидаковский женщины вдруг стали выше ростом и шире плечами. Даже Поруня важно приосанился, будто понял, о чём речь.

– Что надо сделать, чтобы всё правильно было? Заупокойную службу заказать? Я совсем ничего об этом не знаю, может, вы сами объясните ситуацию батюшке Иоанну?

Глебовна подросла сантиметров на двадцать и обвела остальных старух взглядом победившей орлицы. Ну, и кто теперь будет спорить, что она, Глебовна – главный авторитет в вопросах веры?

Было уже абсолютно неважно, что дальше скажет Рина, но она ещё и сказала нечто поразительное:

– Если деньги нужны, так я принесла немного. Пётр Борисович мне дал, чтобы я всё решила.

Рина достала из сумки чистый, но немного помятый конверт и вложила его в тёмные, подрагивающие руки старухи.

Глебовна спокойно кивнула:

– Идём, я тебе объясню.

Если старуха и жалела о своём приглашении, то ничем этого не выдавала. Рина носилась по церкви, будто маленький ребёнок, наполняя тесное пространство звонкими вопросами:

– А это кто? А это? Это Иисус? Почему он в клеточку? А-а, не Иисус. А этот бог почему с ложкой? Опять не бог? Ага, лекарь. Хороший, значит, святой. Грустная какая Богородица, красивая. А вот той зачем жемчуга к лицу приклеили? Оклад? А ящик, значит, киот. Забавное слово. А вон та штука для чего? А вот эта?..

Батюшка Иоанн наблюдал за любопытной девицей с удивлением и явной опаской, замешкавшись начать службу. Приходские женщины взирали на экскурсию с откровенным неодобрением. Но Глебовна невозмутимо объясняла и то, и это, не обращая внимания на лёгкий шепоток, доносящийся сзади.

Наконец, она сделала Рине знак замолчать и встать чуть сзади. Рина простояла минут пять, а потом мелкими шажочками спиной вперёд двинулась к выходу, чтобы легко выскочить на крыльцо. Чуть поколебавшись, Петька последовал за ней.

На пяточке двора перед храмом Петьке предстала весёлая картинка. Прямо перед Риной громоздилось монументальное тело Поруни. И Рина в растерянности переминалась и топталась на месте, явно не зная, что делать.

Бросившись вперёд, Петька сердито замахал руками на Поруню:

– Вон! Вон! Пошёл вон!

Поруня тут же засеменил прочь, но остановился у стойки ворот и улыбнулся, раставив в разные стороны огромные губы. Слюна сползла с уголка рта, капнув на рубашку.

Петька принялся объяснять:

– Не бойся, Ринка. Ты Веньку-тракториста знаешь? Это Поруня, племянник его. Он с рождения такой. И он тихий, не обидит. Если хочешь его прогнать, громко кричи «вон!», он и уйдёт.

– Зачем он ко мне подошёл?

– Не знаю. Наверное, ты ему понравилась.

– Сомнительная радость.

Поруня отвернулся, засмотревшись на неторопливо шествующего через двор кота. Правильнее было бы сказать, что кот волочился, нарушая все законы физики.

Однако если и было что-то, что могло вывести батюшку Иоанна из равновесия, так это упоминание о неестественных объёмах и формах церковного котейки, поэтому добрые прихожане удивлялись пропорциям любимца батюшки молча.

– Кс-кс, – выдохнулось из недр массивного тела Поруни. Кот попытался ускориться. Физика напряглась и дополнительно искривилась.

– Почему ему позволяют вот так одному бродить?

– А надо его на цепь посадить? На дуб зелёный? Рискованное дело. Для дуба, разумеется. Не каждый ствол этот вес выдержит.

Рита улыбнулась и чуть поморщилась, Петька сообразил, что вопрос касался не кота, а дурака.

– Так Венька где-нибудь здесь неподалёку. Он обычно Поруню оставляет и приказывает ему стоять. Всё спокойнее, чем дома его держать.

– Почему? Он может дом разгромить?

– Нет, что ты. Он волнуется, если один долго остаётся. К окну изнутри прижимается и плачет, будто малыш трёхлетний. Старушки наши конфеты ему в форточку кидают, он ими объедается, потом животом мается. Опять плачет.

– Можно было бы кота завести. Чтобы ему не скучно было. Вон, гляди, он с этой меховой колбасы глаз не сводит. Нравится ему котофеич.

– Веньке и с племянном забот хватает, не то, чтобы ещё и о коте думать.

Порывшись в сумке, Рина вытащила оттуда конфету и с явной опаской спросила у Поруни:

– Конфету хочешь?

Посмотрев на протянутую сладость, Поруня перевёл бессмысленный взгляд куда-то вдаль и замер истуканом.

– Ну что же ты? Держи.

Поруня скосил глаза и тяжело, мучительно вздохнул.

– Ты боишься? Тебе нельзя?

Быстро сграбастав и спрятав конфету в руке, Поруня отбежал мелкими шажочками в сторону и, сопя от нетерпения, начал рвать обёртку. Мясистые неловкие пальцы едва справлялись с этой трудной работой, и прошло несколько томительных минут, прежде чем сладкий кусочек освободился. Физиономия Поруни украсилась шоколадно-слюнявой улыбкой, и он снова замер.

– Смешной. Почему я его раньше не видела?

– Может, не замечала просто. Он может часами на одном месте стоять.

– Ясно. Ты домой идёшь?

– Нет. Тётку подожду.

– Тогда пока.

Рина улыбнулась и вприпрыжку поскакала обратно в Лукогорье.

Как Петька был бы счастлив, если бы можно было броситься за ней следом! Но сквозь открытые двери просачивались дрожащие напевы нестройного хора, служба продолжалась, и Петьке предстояло ещё маяться и маяться на церковном дворе.

Наконец, из церкви начали выходить женщины. Гидры не видели выходки Поруни, да и Поруня был для них давно пережёванным материалом. Гидры торопились обсудить поведение Рины.

– Ведьма-то какова. Везде свой нос любопытный засунула.

– Да уж, только что в алтарь не залезла.

– А потом усакала, будто птичка непоседливая.

Глебовна резко остановилась, поджала губы и презрительно-свысока оговорила сплетниц:

– Всё злословите, трещотки. Ведьма, ведьма... Хватит дразнить девчонку. Лучше бы пожалели сироту. Не от хорошей жизни к старым козлам в услужение идут. Не от безделья так к жизни относятся. Сама ребёнок, а о душе подумала и про деньги не забыла. Ты, Манька, небось, про душу первый раз вспомнила, когда артрит прижал. А тебе, Фимка, что деньги, что фантики – до седины дожила, ума не нажила.

Манька и Фимка чуть смутились, готовясь дать отпор наглой Ульянке, но та не собиралась вступать в пререкания, резко подведя итог:

– Добрая девочка. Улыбчивая. И никакая не ведьма.

Поколебать это мнение теперь не смог бы даже полёт голой Рины на метле. Но сказки сказками, шепотки шепотками, а именно ведьма громко и во всеуслышание сказала о том, что женщина в лесу была убита. Знание о том, что это было именно убийство, просочилось в головы лукогорцев и закрепилось как нечто само собой разумеющееся.

11. Шутки-прибаутки

Запасы тают. Выменяла у Полтушки немного льняного семени и гречки. Конечно, это слишком грубая еда для белолицых девиц. Но потомственной крестьянке не пристало тосковать по десяти сортам сыра.

Скромная трапеза очень даже понравилась бдительному комиссару. Обещал зайти ещё.

Сашок, впечатлённый криками матери по телефону, засел любоваться страницами учебников. Толян добровольно пыхтел над простыми задачами с пропорциями, никак не улавливая принципа их применения к конкретным физическим процессам. Петька опять остался без компании.

Послonyaвшись по деревне, он завис недалеко от пятачка у ларька Тоньки. Ларёк неоднократно закрывали, поскольку Тонька была не в ладах с официальной бухгалтерией, но после короткого периода уныния Тонька отдирала листы фанеры от маленькой витрины и прицепляла сбоку список имеющихся сигарет и ценники на водку.

Сегодня ларёк привлёк компанию женщин и девушек, которые собирались на посиделки и решали вопрос закупки всего необходимого для успеха мероприятия.

В ларьке регулярно отоваривалась и Рина, поскольку дворник Кашея Ибрагим изъяснялся на замысловатом языке, которого Тонька не понимала. Завернув из магазина к Тоньке, Рина наткнулась на представительное сообщество лукогорских девиц, которые встретили сиделку недружелюбно.

Ксанка протяжно и громко, с выражением, проговорила куда-то вверх:

– Сиделка – на заборе свистелка.

Алина подхватила эстафету и с издёвкой припечатала:

– Сиделка – вертлявая белка.

Вставила свой рифмованный перл и Динка:

– Сиделка – грязная тарелка.

Рина остановилась и заинтересованно уставилась на толпу.

И понеслось.

– Сиделка – рваная грелка.

– Сиделка – дешёвая опохмелка.

– Сиделка – старая сопелка.

– Сиделка – ржавая горелка.

– Сиделка – гороховая...

Короткая пауза подсказала, что народное творчество исчерпало запас грубых, но приличных рифм. Рина рассмеялась, а потом неожиданно поблагодарила:

– Классно. День такой смурной был. Спасибо, что развеселили.

Не ожидавшие такого поворота девушки затихли, и сиделка продолжила:

– Я всё равно, что на машине времени скаталась. Из вас такой отличный набор ведьм получится. Глебовна, Ильинична и Эмма – ну вылитые вы. Лет через пятьдесят. А из меня, значит, старая ведьма Шершовка выйдет. – Рита передразнила шамкающий говор старухи. – Ни штытта ни шовешти. Гороттшкие прошманттовки.

Валька расхохоталась. А за ней засмеялись остальные девушки. Только Женька демонстративно поджала губы.

Ксанка миролюбиво сообщила:

– Ты новость слышала? Ларка открытку из столицы прислала. Будет в театральный поступать.

– А кино с девчонкой на роликах она что, не смотрела?

Кивнув на покрасневшую Динку, Ксанка объяснила:

– Чужую идею утащила. Это ж Динка у нас мечтает под софитами потеть да с мужиками чужими обниматься.

Рина осторожно приземлила сумку, но не отпустила её ручек, и из такого склонённого положения неожиданно спросила:

– Вы видели привидение, что на просеке появляется?

– Ты про женщину?

– Нет. Про облако. Оно похоже на мутное пятно.

– Если встретишь, не бойся. Оно зла не причиняет. Повисит и само рассеется.

– Да я не боюсь. Но оно убегает, если подходишь.

Женька покрутила пальцем у виска. Динка придала себе мечтательности, задрала подбородок вверх и пояснила:

– Иногда граница между мирами истончается, и сама Матушка Берёзушка показывается. Если в светлом облиции, то девушкой нарядной, в кокошнике жемчужном, а если в плохом настроении, то в кольчуге тяжёлой.

Ксанка хмыкнула и посоветовала:

– В ясную ночь в лесу у озера встань под берёзу и попроси Матушку о благословении. Вскороги приснится тебе сон, в котором она придёт и что-то важное о тебе расскажет. Кому-то она совет даёт, кого-то от беды остерегает, а кому-то и просто счастья желает.

– И мне пожелает?

– Это уж как ты ей понравишься.

Несмотря на явный скепсис, Рина согласилась:

– Надо будет попробовать.

Валька приветливо пригласила:

– Ты приходи завтра на танцы. Мы и привидение позовём. Развлечёмся от души.

В действительности это было равносильно мощнейшему ритуальному посвящению в масоны. Лукогорские девушки признали Рину своей и объявили об этом пусть и без мельтешения мечей над головой, зато со всей присущей событию торжественностью.

Но Рина погрустнела и, мотнув головой, объяснила:

– Я не могу. Пётр Борисович температурит. А я ж сиделка – за все беды стрелка.

Подхватив с земли тяжёлую сумку, ведьма ушла быстрым шагом. И лукогорские бездельницы ощутили лёгкое неудобство.

12. Белое озеро

Было лето. В чёрном бархате ночи сияли звёзды. В траве шептались светлячки. Я шла к озеру и увидела Матушку Берёзушку. Она улыбнулась, обвела вокруг себя рукой, показала на меня и растаяла. Я решила, что это знак. Посвящение в тайну. Признание моей избранности.

А сейчас я верю, что это был чудесный детский сон.

Новая идея Петьки не вызвала радостного отклика у его друзей. Как выяснилось, они просто не восприняли её всерьёз. Идти ночью? По просеке, через лес, к Белому озеру? Ловить привидение? Весело, наверное, но они-то не в Голливуде живут. И в кино фантастическом не снимаются.

Первым на отчаянное приключение согласился Толян. Хотя у Петьки остались сомнения: действительно ли Толян понимает, что означает ночная вылазка к озеру. Однако покладистость Толяна не оставила выбора Сашке. Поколебавшись для вида, он тоже согласился.

На сборы и обсуждения ушло два дня. Когда же назначенной ночью тихо улепетнувший из дома Петька увидел свою команду «охотников на привидений», ему захотелось и смеяться, и плакать. Толян взял с собой весьма объёмный рюкзак, как если бы собрался в поход на неделю. Сашок, наоборот, примчался налегке, без вещей и в сандалиях на босу ногу.

Совершать ночные вылазки друзьям приходилось и прежде. Но обычно они изучали саму деревню и её ближайшие окрестности. И эти исследования не уходили в сторону от проезжих дорог. Теперь же, по мере отдаления от деревни, в сознаниях искателей приключений начали проявляться и хулиганить разные потусторонние персонажи.

Петька мужественно отгонял образы леших, таившихся в придорожных кустах, но чувствовал, что друзья следуют за ним только потому, что идти обратно одним ещё страшнее.

Сквозь дырку в облаках выглянул кривой блин луны и распугал леших по их неведомым норам. Ориентиры вроде кривого дуба стали заметны, и мальчишки невольно ускорились, стремясь добраться до озера побыстрее.

Но едва они оказались на берегу, Петька снова насторожился. Вокруг стояла тишина. И это идеальное беззвучие подсказывало, что ещё до вторжения трёх незваных гостей окрестности озера кто-то потревожил. Сделав знак друзьям, Петька очень осторожно двинулся в обход озера по широкой тропке, охватывавшей весь лесной водоём кольцом. Никакого плана у него не было, и пройдя два десятка метров, он оказался на абсолютно тёмном пятачке. Сашка впечатался в спину Петьки, Толян наткнулся на Сашу, и компания какое-то время шипела друг на друга. Заговорить в голос никто не решался.

Раздался высокий и громкий звук где-то сзади. Мальчишки резко присели и затаились. Неуверенный голос фальшиво пропел фразу модной песенки, и на берег, только что оставленный ловцами привидения, выбежала девушка. И закружилась, то выставляя ногу в сторону, то закручивая её вокруг себя.

Сашок успел закрыть рот оторопевшему Толяну – тот явно собирался выдать их присутствие каким-нибудь возгласом.

Потянувшись и издав ещё одну серию нот, девчонка легко выскользнула из платья. В ночном сумраке нагая женская фигурка казалась размытым рисунком, но плавные изгибы гибкого красивого тела будили в Петьке доселе невиданную силу. Случись рядом Змей Горыныч, Петька свалил бы его одним ударом.

Попрыгав по берегу, обнажённая красотка босой ногой попробовала воду. Ощувив пронизывающий холод, она отскочила и засмеялась сама над собой. Эти переливы смеха окончательно лишили Петьку ориентации во времени и пространстве. Он знал, что надо встать,

что надо испугнуть неразумную ведьму, что надо сказать ей об опасности купаний в лесном озере, на дне которого бьют ледяные ключи, но мысль о необходимости пошевелиться привела к прямо противоположному результату – руки-ноги Петьки парализовало.

Рваные облака снова расползлись в стороны, и мир залило серебристым светом. Девушка медленно вошла в воду и сделала несколько осторожных шагов, проверяя ногами дно. Глубоко вздохнув, ведьма решительно окунулась, сделав один гребок вдоль лунной дорожки. Снова встав, она оказалась будто покрытой блестящей чешуёй, которая переливалась, играла и прятала от затаившихся мальчишек нагое тело. Девушка снова окунулась, на этот раз направившись вдоль берега. Несколько движений, и серебристый силуэт показался со спины.

Ведьма не заходила на глубину, оставаясь там, где ей было примерно по пояс, она не пыталась плавать, только бултыхалась и баловалась в воде. Однако неведомая ночная магия превращала её в быструю и сильную русалку, повелевающую всем озером, всем ночным лесом и всем подлунным миром.

Наконец, замёрзнув, русалка выбежала на берег и принялась энергично растираться квадратиком небольшого полотенца. Тихий смех донесся до мальчишек звоном колокольчиков.

Глупый Толян попытался вырваться из-под ладони Сашки и наступил на сухую ветку, будто специально подложенную лешим под его неловкую лапу. Даже залп «катюши» не прозвучал бы громче.

Ведьма подхватила одежду, сорвалась с места и убежала, легко перепрыгивая толстые корни деревьев.

Толян промычал что-то непонятное и ткнул пальцем в противоположный берег. Светлое пятно, свиваясь в спирали и кольца белёсости, размывалось, терялось в частоколе стволов. Через пару секунд оно исчезло, оставив за собой лишь обычный приозёрный туман, наползающий из травы на берег.

Петьку посетило сомнение: уж не снится ли ему всё это? Однако лица обалдевших приятелей подсказывали, что нет, не снится. В мире случается волшебство, и этой ночью оно случилось с ними.

В торжественном молчании мальчишки вернулись в деревню и разошлись по домам.

Часть 2

13. Нашествие

Сказка – ложь. И самая удобная форма переделки реальности. Белолица развлекает Яроша сказочными историями. По мотивам своих приключений. Врёт безбожно, но своя польза в этом есть. Я узнала, как умерла Анна. Она отказалась от борьбы и выбрала морфий. Но не думаю, что её сломала боль. Большевики сделали из Бурянова жертву царизма, раскрыв мрачные обстоятельства его смерти. А она все эти годы верила, что он жив, что однажды он вернётся и найдёт её.

Почему ты не нашёл меня, Север? Я ведь не прячусь.

Обещанное Риной нашествие обрушилось на Лукогорье нелогично – во вторник после обеда. Первыми прибыли три внедорожника, из которых высыпались одинаковые молодые люди в тёмно-серых костюмах. Побродив по деревне с блокнотами и рациями, люди сели в машины и съехали на луг.

Следом приехало три грузовика с солдатами внутри. Солдатики разбили на лугу палаточный городок, сделали за первый же вечер месячную выручку и магазину, и ларьку Тоньки, перепугали деревенских девчонок и с утра принялись укреплять дорогу, чтобы рядом с перекатом построить новый мост через Облепиховку.

Стройматериалы солдатам подвозило штук десять большегрузных машин, мгновенно раздолбавших съезд на луг, и эту старую дорогу тоже пришлось подсыпать и перестраивать.

Лукогорцы хмуро наблюдали за перемещениями гостей, запретив жёнам и дочерям выходить из домов. Но перерасти в серьёзные конфликты эта напряжённость не успела. Солдатики отбыли восвояси, оставив за собой невероятное количество хлама на лугу и проторенные, будто слонами, тропы в зарослях пустоши.

Настала очередь серьёзных государственных мужей. В Лукогорье въехали роскошный «мерседес» и внедорожник охраны. Один из водителей уточнил у Тихона дорогу, после чего машины проследовали в лес по свеженькому мосту.

Посетив Чёрный овраг, мужи вернулись в Лукогорье и подкатили к конторе, где выяснилось, что всех мужей приехал один человек, да и тот совсем не муж, а недоросль. Корочка сотрудника могущественной силовой структуры Тихона не очень-то убедила, хотя определённое впечатление на него произвели два мордоворота, следовавших за недорослем на манер игрушек на верёвочках.

Беседа с юнцом Тихону тоже не понравилась. Недоросль не удосужился выслушать соображения председателя, лишь коротко и ясно распорядился: в лес не ходить, расследованию не мешать, вопросов не задавать.

Третьей волной нашествия стало человек десять мужчин. Они разбили на лугу одну огромную светло-серую палатку, в которую затащили множество коробок и ящиков из нескольких фургончиков, которые после разгрузки быстро уехали.

Разумеется, мальчишки сгоняли невзначай заглянуть в широкую щель входа в палатку, однако ничего существенного им разглядеть не удалось, только хмурый бородатый дядька сделал им замечание, чтобы они не шатались рядом с объектом. Именно так – «объект» – и стали называть палатку лукогорцы.

А у Петьки появился сосед. Невысокий худощавый мужчина неопределённого возраста с хмурым взглядом исподлобья и плотно сжатыми губами представился Гордеем Алексееви-

чем. Он объяснил своё решение поселиться в Лукогорье очень просто. Мотаться из города – сил не напасёшься, жить в условиях полевого лагеря – здоровья не хватит. Из всех избушек и сараев Лукогорья дом Ольги и Семёна показался Гордею Алексеевичу наиболее просторным и комфортабельным, поэтому начальник объекта и выбрал его в качестве своего временного пристанища. Ольга, не сказать, чтобы охотно, но согласилась сдать комнату начальнику.

Гордей Алексеевич занял пустующую комнату кузена Петьки Василия, украсил холодильник набором иностранной снеди в красивых упаковках, дал Семёну несколько советов по правильному ведению сельского хозяйства и занялся писаниной в обычных школьных тетрадочках.

Через день к Семёну забежал Михалыч. С порога узнав, что постояльца дома нет, он присел к столу и тихо выложил новости:

– Из столицы люди. И не менты. Спецотряд какой-то. Цепочкой лес прочёсывают. Скелет по косточке достали. Кисточками песок стряхивали. Только что не облизывали. И в холодильниках сложили. Переносные такие гробы, я уж думал, ещё какую-то мертвечину нашли, так нет – один скелет на три ящика разобрали.

– Да какая разница, что за отряд. Сидели же в тереме за рекой энкаведешники. Может, расстреляли секретаршу, а в дело не внесли. Непорядок. Запротоколируют и съедут.

– Они ещё что-то ищут. Траву всю изворошили, и ручей, и овраг перекопали, и три человека по округе с металлоискателями бродят. Они по дальней границе лесочка старую борону нашли. Сначала радовались, что дети малые. Потом приуныли. Им же для протокола все находки на объект тащить надо.

– Так они ко мне прибежали трактор клянить, чтобы хоть до моста этот кусок ржавчины доволочь. На что он им сдался, не понимаю.

– Порядок такой. Твой-то жилец над ними вроде надсмотрщика. Сам ничего не делает, только ходит, смотрит, как другие пашут. И до старух докапывался, помнят ли они, что в деревне творилось в двадцатые. А старухи наши тогда в пелёнках были. Это если были. Да и сам понимаешь, время какое было.

– Эх, жаль старая Глаша померла. Вот уж кто всё обо всех знал.

– Да-а-а, теперь таких женщин уже нет. Измельчали, что ли.

– И не говори. Вот мои пацаны. Вроде и хороших девок за себя взяли. А стать не та. Глуповаты. Суетливы. Да и деньги любят.

– Твои хоть по-людски поженились, да детей нарожали. А мой дурень всё по секретаршам бегает. И ладно бы выбрал хоть одну лицом смазливую. Всё норовит каких-то кривеньких недотёп утешить. Одно расстройство.

– Кривенькая не беда, была бы хозяйка толковая.

– Ой, не говори. А с гнилью-то что делать будем?

Спор фермеров о гнили Петьку не занимал, поделиться новостями было не с кем, и он отправился в свою комнату, представляя себя бесстрашным героем – освободителем принцесс. Конечно, ему удастся спасти несчастную пленницу лукогорского леса. Достаточно только мысленно взмахнуть волшебным мечом.

14. Заезжий кавалер

В стародавние времена жила в своём белом дворце девица Белолица. Училась Белолица у магов всего света и однажды овладела заклятием исполнения желаний. Тёмной ночью прошептала Белолица своё заветное желание: встретить любимого под стать себе. И красивого, и умного, и принца, и волшебника...

Мне сразу представился чванливый павлин со столиком для вызывания привидений. Мне же не сказали, что мой мысленный смех мешает великой магии.

Недоросля, который так возмутил Тихона, Петька увидел на угоре. Высокий, с неподходящим шиком одетый молодой человек стоял на самом краю обрыва, всем своим видом противореча окружающей среде. Короткая причёска тёмных волос казалась только что уложенной в парикмахерской. Длинный плащ, в карманах которого щёголь держал руки, будто выпрыгнул с витрины центрального универмага. Идеально чёрные ботинки выглядели так холёно и противно, что хотелось подойти и измазать их дорожной пылью. Самого молодого человека Петька за всей этой красотой сразу и не разглядел.

Рядом с щёголем стояла Рина и что-то втолковывала ему – бойко и нетерпеливо. Он изредка вставлял в эту речь отдельные ленивые фразы, время от времени окидывая ведьму пристальными взглядами.

Петька не успел решить, удобно ли будет подойти к Рине и незнакомцу. Молодой человек неторопливо двинулся вдоль угора, вытащив руку из кармана, и одним лёгким движением подцепив Рину за талию. Рина машинально пошла рядом с ним, и когда они приблизились, Петька разобрался, что разговор идёт вовсе не об устройстве мироздания.

– Так что насчёт прогулки по опушке, а, малышка?

– Может, в субботу?

– Зачем откладывать? Мы ненадолго, травку чуть примнём.

– И какой мне интерес недолго травку мять? Да и травка эта... Не хочу сырой массаж. Лучше в мягкой кровати тельце погреть.

– Что ж... Скатаемся в отель. На часок.

– Фу, это скучно. На часок – и простынок не сбить. Гулять – так гулять, на всю тёмную ночь. А, может, и не на одну. За одну-то ночь всего не успеть.

Молодой человек резко остановился и привлёк Рину к себе, с шутливо-грозным выражением парировав:

– Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю...

И Рина, и недоросль, и Петька разом вздрогнули от раздавшегося мрачного голоса Гришки:

– Эй, малец, ручонки сальные от девчонки отцепи.

Гришка, как оказалось, наблюдал за сценой от другого угла забора. Сложив руки на груди, он смерил «мальца» презрительным взглядом, в котором плескалась готовность к агрессии. Щёголь задумался, видимо, решая, как отнестись к неожиданной помехе в виде сурового деревенского блюстителя нравов. Рина, чуть вывернувшись из объятия, наивно-простодушно заявила:

– Это братишка мой. Беспокоится, не обидит ли меня кто. Ты не серчай, Дик, он не со зла, по привычке. Вечно караулит, не гуляю ли я с кем.

Дик язвительно усмехнулся:

– Классика жанра. Она не одна придёт. Она с кузнецом придёт.

Встряхнув руками, Дик отстранился от Рины и быстрым шагом направился в сторону конторы.

Уперев руки в боки, Рина вперила в «кузнеца» строгий взгляд и укорила:

– Ну, спасибо. И так здесь кавалеров нет, так ты единственного заезжего спугнул.

– Обойдётся и без кавалеров.

Ошеломлённая этим заявлением, Рина какое-то время пыталась подобрать слова для отповеди, но новости сами срывались с языка, и она выпалила:

– А знаешь, что мне Дик рассказал? Что в Чёрном овраге убили Александру Лукогорскую, последнюю здешнюю княжну!

– Она же в Америку уехала.

– Нет, не уехала. Она исчезла. Здесь думали, что она в Америке. В Америке были уверены, что она в Европе. А европейцы уверяли, что она вернулась домой. Получается, они-то и были правы.

Гришка поразмышлял и спросил:

– И почему такой сыр-бор из-за скелетика нашей княжны? С таким размахом и королевские останки не изучают... Княжна должна что-то важное значить.

– Или не она. А тот, кто её убил.

Почесав нос, Гришка вдруг спросил:

– Когда у тебя выходной?

– Через субботу.

– Пойдём, сходим к терему?

– А что это?

– Дом.

Удивлённый взгляд Рины попросил разъяснений. Гришка хмыкнул:

– По-твоему, последняя княжна Лукогорская жила на пустоши? В шалаше? – Встряхнувшись, он добавил. – Я пока сам схожу, проверю, что там да как. А потом и тебе покажу.

Сбоку раздался певучий говор Ксанки:

– Ой, лапти мои, кости. Не упасть бы мне со злости.

Подошедшая красавица смерила мужа ничуть не менее грозным взглядом, чем тот, которым он сам только что отпугивал Дика. Вопрос Ксанки прямо-таки звенел напряжением и вызовом:

– Хорошо проводишь время?

Спокойно кивнув, Гришка согласился:

– Да.

– Что ж, и я пойду, прогуляюсь.

Движения Ксанки, удаляющейся по улице, рождали внутри Петьки что-то вроде песни. В голове крутились сравнения с волнами, с морским непостоянством, с полётом чаек и уверенным курсом белоснежного корабля.

Рина вдруг изменилась в лице и торопливо проговорила:

– Гриш, догони-ка её, отведи домой и не выпускай пока.

Светлый взгляд скрестился с тёмным, за несколько мгновений уголовник и сиделка ухитрились без слов что-то обсудить и о чём-то договориться. Гришка кивнул, и Рина, убегая, быстро махнула ему рукой:

– Не беспокойся. Я справлюсь.

Угор опустел. Петька остался любоваться давно надоевшим пейзажем. В бескрайнем просторе было много голубого и синего, но не было белоснежных кораблей и чаек. Что-то нежное царапало Петьку изнутри, и, едва не разрыдавшись от непонятного ему самого чувства, он бросился прочь.

15. Особые обстоятельства

Познакомилась Белолица с принцем Волком. И закрутилось веселье. То балы, то катанья, то скрипичные концерты под лунной. Но вот беда. Принц оказался не очень умён. Белолице становилось скучно, когда он начинал обсуждать светские сплетни...

Как причудливо наше сознание складывает мозаику воспоминаний. Все эти метания, скандалы после разлук, бесконечные выяснения отношений, оказывается, были скукой.

Трое суток Семён таскал племянша за собой, решив, что мальчишке лучше побыть вдали от соблазна проникновения на объект. От погружения в мир полей и пашен Петька умотался так, что ещё почти сутки спал, игнорируя призывы тётки пообедать или хотя бы поужинать.

Отоспавшись и почувствовав зверский аппетит, Петька направился в кухню, из которой слышал незнакомые голоса в горнице, которую почтительно называли «залой». Большая печка, занимающая центр дома, была снабжена удобной широкой лежанкой, одной стороной выходящей в залу, а другой – в кухню. Недолго думая, Петька тихо забрался на печку, выглянул в щель ситцевой занавески и прислушался.

Дик и Гордей Алексеевич обсуждали убийство в лесу.

– Александра действительно вернулась на родину. И даже более того, она вернулась в родное поместье. Но здесь встретила ту смерть, о которой вряд ли задумывалась, когда сочиняла стихи о жертве во имя отечества.

Дик нетерпеливо переспросил:

– А ты уверен, что это именно Александра?

Гордей Алексеевич пожал плечами:

– Сравнить не с чем. Семейные могилы уничтожены или забыты. У нас нет материала для генетической экспертизы. Но да, я уверен, что это она.

– Почему?

– Во-первых, потому что мы не где-нибудь, а в Лукогорье. Во-вторых, время исчезновения и примерное время смерти совпадают.

– По нашим оврагам столько трупов припрятано, что на века вперёд хватит в костях ковыряться. И почему это Александра?

– Возраст совпадает. И мы обнаружили два произвольно сросшихся перелома правой руки, а также несколько трещин в рёбрах. Совпадает с данными об издевательствах в пансионе, где воспитывалась Александра.

– Мало ли благородных девиц били друг друга? В пансионах этих дедовщина царила похлеще иной армейской.

– На останках найдено несколько видов текстильных волокон. Крестьянская одежда, не лучшего качества. Согласно реконструкции Андрея, княжна была одета тепло, по-зимнему. Но шубы или пальто нет. И обуви нет. Зато мы нашли массивный золотой крестик на тонкой цепочке. Крестик совпадает. У него есть дефект, описанный младшей Дерлянской – отсутствие одного фигурного элементика.

– Это не доказательство. Крестик мог потеряться. Или его украли.

– Ну, значит, прямой путь тебе в архивы – искать, кто и когда мог украсть крестик княжны Александры.

– Ладно, я верю тебе. А твоя вера будет доказательством.

Ехидно-холодное замечание Дика вызвало не менее ядовитую усмешку Гордея Алексеевича. После паузы последовало продолжение объяснений:

– Нужна пара дополнительных исследований для установления разных деталей, но Петрович и Ванька независимо друг от друга сделали одинаковое предположение. Александра родила незадолго до смерти.

– Родила?!

– Да. Расхождение лонного сочленения. У неё был узкий таз.

В ответном возгласе Дика выплеснулось потрясение:

– Так это роды её убили?

Гордей Алексеевич ответил с бесстрастностью профессионала:

– Смертельным стал удар чем-то тяжёлым в висок.

– Парадоксально. Многие думали, что её убили. Что её исчезновение не могло быть ничем иным, кроме как смертью в каких-то непростых обстоятельствах. Но почему никто не брал в расчёт того, что у молодой женщины могли возникнуть непростые обстоятельства особого свойства?

Пожав плечами, Гордей Алексеевич добавил:

– Я бы не удивился, если бы её застрелили на модной премьере в какой-нибудь европейской столице. Или если бы мне сказали, что её зарезал любовник в роскошном номере заокеанского отеля. Но почему её убили здесь, в глуши, после родов, когда она едва могла встать?

Дик встал и сделал несколько шагов по пустому пространству комнаты. В его очередном вопросе выплеснулось острое любопытство:

– А ребёнок? Он выжил? Где он?

– Кто ж его знает. Но мы получили приказ заново прочесать лес. Найдём кости младенца – закроем тему.

– Мы уже всё прочесали.

– Значит, теперь травку перешерстим, листики переберём и землю просеем.

Поморщившись, Дик спросил:

– Ты знаешь, почему этот ребёнок так важен?

– Спроси отца.

Закатив глаза и сделав вид, что он смертельно устал, Дик парировал:

– А я у тебя спросил. Ты же вроде как в няньки ко мне приставлен.

Окинув кривляку снисходительным взглядом, Гордей Алексеевич коротко распорядился:

– Тебя водитель заждался. Выметайся.

Дождавшись, пока Гордей Алексеевич скроется в своей комнате, Петька отдал должное холодцу тётки и отправился рассказывать друзьям об услышанном.

16. Ловцы тумана

Тебя раздражал его ореол романтического героя. Ты завидовал его яркому и скандальному увлечению. Но я сразу заметила тебя. В твоих умных глазах блестели искорки насмешки над его павлиньим тщеславием.

Я не романтическая героиня. Я боялась, что ты молча отвернёшься, если узнаешь, кто я. С этого всё и началось.

Рина не показывалась из логова Кашея. Петька сделал несколько отчаянных ночных вылазок на озеро, надеясь, что тётка не застукает его побегов через окно, однако и на озере Рина не появлялась.

В одну из ночей вместо Рины купаться пришёл Борька-«мушкетёр». В другую Петька наткнулся на Веньку, который возвращался из леса с большими кусками бересты. Следующая вылазка привела к встрече с Сашкой, который совершенно случайно прогуливался по берегу озера, а при виде Петьки вдруг заторопился домой.

Петька снисходительно бросил:

– Ладно врать-то, ты Ринку пришёл высматривать.

Сашок отбрил:

– Можно подумать, ты к Матушке Берёзушке явился.

Несколько минут ходьбы по лесной тропинке прошли в молчании. Потом Петька заметил:

– Ринка даже в магазин не ходит. Она хозяйку надоумила, что можно Ибрагима со списком посылать. Так ей теперь и повода за ворота выйти нет.

– Скажешь тоже. Она же не в тюрьме. Выйти-то она может в любое время, только что ей за воротами делать? Костями по оврагам любоваться?

Петька пожал плечами, а Сашка добавил:

– Ринка книг много читает. Выпросила разрешения брать любые, и сама не своя до исторических романов. Она и Кашею вслух читает – медленно, с пояснениями разными. Кашей от того чтения размякает, с кухаркой не спорит, на прислугу не бросается, даже и на дочь не орёт. Всем тишина и спокойствие.

– А я слышал, что Наталья сиделкой недовольна.

– Без стычек с папашей заскучала.

Раздавшийся сзади голос заставил мальчишек подскочить и замереть.

– Далеко идём, пацаны?

Переглянувшись, пацаны приготовились дать дёру.

– Да не дрейфьте, это я, Гришка.

Лично Петьку это сообщение не приободрило. Мало ли, что у этого уголовника на уме? Все говорят, что Гришка другим человеком вернулся. Да и могло ли быть иначе? Из тюрьмы ангелами не выходят.

Гришка догнал мальчишек и ехидно спросил:

– Что, прослышали про новое лукогорское чудо? Русалку в озере?

Мальчишки промолчали, машинально ускорив шаг.

Где-то впереди раздался крик:

– Аа-уу!

Гришка откликнулся:

– Ээй!

Навстречу троице выбежал запыхавшийся Венька. Увидев мальчишек, он выругался и недовольно заметил:

– Весь лес распугали, мелкота любопытная.

Стоя у озера, Петька был абсолютно уверен, что в лесу никого нет. Но после слов Веньки ему вдруг представилось множество неясных существ, таящихся буквально за каждым стволом.

– А ну-ка марш по домам, и чтобы духу вашего здесь не было!

Злость приказа ошеломила Петьку. Венька был спокойным и тихим человеком, и Петька не мог припомнить, чтобы слышал, как он повышает голос.

Гришка махнул рукой в ту сторону, откуда появился Венька:

– Вон! Смотри!

Справа от группки людей за множеством тёмных стволов мелькало светлое аморфное пятно. Расплывающиеся края, неопределённая форма и полупрозрачность пятна не позволяли мозгу установить природу загадочного явления, и сознание быстро подставило то, что впитало из книг и фильмов. Привидение!

Гришка подтолкнул мальчишек по тропинке:

– Быстро! Валите отсюда!

Сашок растерянно спросил:

– А вы куда?

– Куда надо, любопытным знать не надо.

Гришка выругался, Венька прибавил к сказанному ещё пару нецензурных оборотов, и мужчины начали быстро пробираться по лесу в направлении исчезнувшего пятна. Два пятна фонариков заматались по стволам, но быстро скрылись из вида.

Петька вздохнул и укорил умчавшегося Гришку:

– Что там знать-то? Два деревенских дурака хотят привидение поймать. Один от племяша-идиота дуростью заразился. Другой, видно, слишком долго на небо в клеточку смотрел, думать разучился.

– Может, они и дураки. Но никто не знает, как объяснить появления привидения.

– Это облако из светляков. Здесь их много, когда они вместе собираются, получается пятно. А когда пугаются, разлетаются и прячутся, вот облако и исчезает.

– Ты и сам знаешь, что Лукогорье – заколдованное место. Может, здесь последнее место на земле, где сохранились древние формы жизни, истреблённые суеверными людьми ещё в средние века. И какое-то отчаявшееся существо ищет контакта с нами, чтобы передать последние крупинки знаний своего народа, а мы отправляем на встречу с ним уголовника и тракториста.

– Глаша поставила бы тебе пятёрку как сказочнику дня.

– Глаша не ставила оценок за сказки.

Сашке хотелось поспорить по любому поводу. Петьке хотелось научно обосновать отсутствие привидений. Но за отсутствием аргументов диалог не состоялся. Мальчишки домчались до деревни и разбежались в разные стороны.

На следующий день, когда Толян соизволил выползти из дома, Петька и Сашка попытались уязвить приятеля тем, что он проспал интересное приключение. Но выслушав сбивчивый рассказ друзей, Толян лишь снисходительно бросил:

– Забрались олухи в лес, полный неясных чудес.

Петька недовольно парировал:

– От олуха слышу.

Пожав плечами, Толян рассудительно выдал:

– Что толку по лесу бегать, когда Ринка вчера в реке купалась. На мелководе за старыми ивами.

Сашок быстро спросил:

– Откуда знаешь?

– Сорока на хвосте весточку принесла.

Приосанившись, довольный Толян объяснил:

– Вы разве не слышали? Внучка Евфимии Бобровой приехала к бабке благословения просить. А где благословения, там и гулянки. Девишник вчера в Сидаково был. Заодно и наш женский полк на плач по невесте выдвинулся. Полсотни девиц собралось, не меньше. Визг стоял на всю округу. А уж как петь начали, так и весь мужской отряд в слёзы пошёл.

– Какой ещё отряд?

– Охранный, какой же ещё? Сидаковские парни с той стороны реки дозором ходили. Мы с этой до рассвета в караулах стояли. Меня Жорка Верхин ещё три дня назад завербовал. Я думал, вы отказались. А вы, оказывается, туман ловить ушли.

Петька не смог вынести насмешки со стороны наглого Толяна. Фыркнув, он перепрыгнул через высокий забор Глебовны, что друзьям было не под силу, и отправился к краю пустоши – искать крепкую ивовую ветку для новой удочки.

17. Нервный скрипач

Собрались женихи со всего света, и понравился Белолице витязь по прозвищу Север. И красив был Север, и умён – всё при нём. И уважение, и вздохи восторженных дам – всё о нём. Но вот незадача, он совсем не верил в волшебство...

Слащавость без границ. Сказка терпит. А как интересно было бы поспорить, можно ли считать веру в науку неверием в волшебство? В другой эпохе ты мог бы и патриархом стать.

Очередной диалог Дика и Гордея Алексеевича Петька подкараулил, заранее забежав в избу и затаившись на печке. Войдя в дом, Дик эмоционально спросил:

– Хорошо, допустим, Александра родила ребёнка. Но от кого?

– От кого угодно.

Дик сморщил нос и уселся за стол, положив на него руки и побарабанив пальцами, как если бы это было пианино. Гордей Алексеевич неторопливо занял место напротив и объяснил:

– Мы не знаем точную дату смерти. А плюс-минус месяцы – загадка отцовства. Самое вероятное – то, что кажется невозможным. Александра могла вернуться к Волку. Ей надо было где-то отдышаться, и она понадеялась, что Волк не устоит перед её чарами. Возможно, беременность – знак того, что он и не устоял. А вот последующее появление княжны здесь, в Лукогорье, объясняется тем, что и по второму разу в этом романе что-то пошло не так.

– Этот вариант ставит Волка на первое место в списке подозреваемых.

– Нет. Он весь короткий остаток жизни ждал её. И если бы убил, не посвящал бы ей эти ужасные скрипичные пьески.

– Может, он пьесками заметал следы?

Снисходительно-терпеливо Гордей Алексеевич растолковал:

– Жорж Волков помимо путаницы имён оставил в досье полиции нескольких стран три места и четыре даты рождения, шесть вариантов национальности, двух жён и большое количество всевозможных нестыковок. Ты полагаешь, пламенный революционер-подпольщик не смог бы замести следы без издевательств над музыкой?

Помедлив, Гордей добавил ещё один аргумент в пользу невиновности Волка:

– Ему достаточно было сказать, что убитая – княжна, и никто не задал бы ни одного вопроса.

– И как же Александру угораздило в него влюбиться?

– Кого угораздило, большой вопрос. Они познакомились в процессе погружения в лечебные воды. Жорж думал, что Александра – компаньонка больной княгини, а она думала, что он поэт и музыкант. Потом, конечно, выяснилось, что она княжна, а он – экстремист, из царской ссылки сбежавший. Скандал был знатный, на весь континент крики и обвинения. Но ничего, помирились, какое-то время вместе жили.

– Вот это любовь.

– Когда и как они расстались, неизвестно. Но Волка это расставание потрясло настолько, что он оказался в санатории для душевнобольных. И он не участвовал в революционных штурмах – по причине расшатанности нервной системы.

– Заслуженный адреналинщик схлопотал передозировку.

– После выписки Волк геройствовать не стал, а устроился в оркестр, в четвёртый ряд вторых скрипок. И партийную ячейку театра возглавил. Вот и вся карьера. Сломала его Александра так, как тюрьмы, пытки и ссылки сломать не могли.

Дик развёл руками и с горчинкой заметил:

– Если бы наши комиссары были поумнее, им надо было отдать Волка Александре и оставить их обоих в покое. Влюбленные чародейки заняты блинчиками, детьми, рассадой, вязанием. На колдовство времени не остаётся. А если бы она выжила... Эх, это проклятое «если бы»...

Гордей Алексеевич выдержал многозначительную паузу, а потом задумчиво продолжил:

– Волк быстро попал в капкан репрессий. И на его деле осталась личная пометка вождя.

– Это не оставляло Волку ни шанса.

– Волк был помилован. Он получил десять лет в одном из особых и сравнительно комфортных лагерей.

Удивление Дика оказалось столь искренним и непосредственным, что вызвало понимающий смешок Гордея Алексеевича:

– Вулкан организовал приказ на высшем уровне, потому что хотел заполучить Волка себе. Он лично проводил обыск квартиры Волка. Все рукописи, все записные книжки были аккуратно собраны и упакованы. И даже больше. Вулкан сам проверил наличие скрипки в футляре и забрал инструмент с собой. Скрипка была дрянная, копеечная, но памятная для владельца. Вулкан готовился превратить Волка в послушную марионетку.

– Невероятно.

– Ты же понимаешь, что Волк не мог интересоваться Вулканом. Огнепоклонник надеялся на встречу с Александрой. А вот дальше мы упираемся в проклятое «если бы»...

Воцарилась тишина. Мужчины мысленно собирали вероятности, которые приводили в те пространственно-временные континуумы, где не было останков женщины в лесу. Построения разрушил Дик:

– А откуда известно, что это был Вулкан?

Холодный ответ Гордея Алексеевича не содержал ничего нового:

– Спроси отца.

Дик молниеносно вспыхнул, но потом взял себя в руки и карикатурно откланялся:

– Понял-понял. Вопросов более не имею. Удаляюсь.

Едва за Диком захлопнулась дверь, Гордей Алексеевич повернулся к печке:

– Слышь, пацан, ты к лору запишись, носовые пазухи проверь. Сопишь, как раненый бегемот. Хронический ринит, не иначе. Я тебя первый раз не стал сдавать, так ты совсем нагло шпионить решил?

Петьку накрыла удушающая волна паники. Но каким-то образом ему удалось всё же слезть, буркнуть что-то извинительное и спрятаться у себя.

18. Терем

*Улыбалась Белолица витязю – и розовела над морем заря.
Обнимала Белолица витязя – и распускались цветы. Целовала Белолица
витязя – и вспыхивали над миром мириады звёзд. И были влюблённые
безмятежно счастливы. Пока злая кикимора не подкинула Северу идею
поговорить с любимой об атомах...*

*Так себе сказочка. Ты заподозрил подвох и подстроил мне
ловушку. Я глупо попалась. Но не потому, что увлеклась атомами.
Я раздумывала, как бы мне безболезненно умереть, чтобы не видеть
ваших поцелуев.*

Петька волновался насчёт погоды. И побаивался, что тётка снова соберётся в Сидаково. Однако тётка была занята какими-то капустными вредителями, а погода выдалась хоть и прохладная, но ясная. Запланированной прогулке к терему ничто не могло помешать. На прогулку собрались Гришка и Рина. Но Петька настроился всенепременно составить им компанию.

Оказалось, что помимо него на прогулку собрались также Сашок, Толян и Женька с Мышью. И вся эта компания уже болтала о разной ерунде, когда Петька спустился с угора.

Появившийся Гришка скептически оглядел стайку подростков, но опоздавшая Рина только махнула рукой, мол, пусть идут, раз уж навязались.

Первая часть похода прошла в трескотне девчонок, пробующих свои силы в магии говорящих гидр. Уже выйдя на большой мост через Облепиховку, Гришка распевно и тягуче выговорил:

– Выйду из избы в сени, из сеней в двери, от дверей через порог, со двора да из ворот, да пойду на поворот. На южной стороне быстрая река, тёмные облака. Выйду на перекат, поплыву на закат, сойду на бережок, пробегу лужок. За зелёным лугом – тёмный лес, в лесу у курьих ножек привязан мелкий бес. Бесу хлебца отломлю, дверцам масла подолью, гусей рожью покормлю. Гуси полетят на юг, унесут и твой недуг.

Восхищённая Рина всплеснула ладонями:

– Вот это класс...

– Заговор. Но я не помню дословно. Глаша каждый раз по-новому рассказывала. Если начинала, могла час говорить, и всё складно, одно к одному.

– Почему она не записывала эти складности? Могла бы известной сказочницей стать.

– Она считала, что записанные слова умирают. Что сказка на бумаге необратима и навсегда остаётся одинаковой, в то время как мы живём в изменяющемся, живом мире, и все сказки меняются вместе с нами.

– Интересная мысль.

– Интересно, что мы все выросли будто в отдельной стране. Галстуки красные носили, в комсомол вступали, но и о репрессиях знали, и о тёмных сторонах революции. Про войну Глаша всегда рассказывала вроде и спокойно, но так, что плакать хотелось. И про соблазны власти и богатства я с малолетства всякое слышал. А когда на зоне читать разную психологию стал, оказалось, что я всё знаю, иногда и лучше иных заслуженных умников.

Хвастовство Гришки показалось Петьке неприятным, и он забежал вперёд, увлекая за собой друзей.

Войдя в лесок, отделявший терем от дороги, Рина тоже решила похвастаться знаниями:

– Курьи ножки – это, наверное, пни. Раньше избы в лесу строили на пнях, чтобы от животных и от сырости повыше оставаться. А корни, вросшие в землю, похожи на ножки курицы, отсюда подмена пошла.

Пройдя немного дальше, Гришка указал на одиноко торчащий бревенчатый столб с массивными подпорками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.